

Артуръ Шницлеръ.

Мрачныя Души

Новеллы

Перев. съ нѣм. СОЛНЦЕВОЙ.



Книгоиздательство

В. К. Шхевуръ.

1908.

Тип. «Економія». Катериноградський пр., 69.

Содержаніе.

	стр.
Судьба барона Лейзенбога	1
Предсказаніе	53
Новая пѣсня	115
Чужая	157
Прощальное письмо Андрея Тамейера.	185

Судьба барона Лейзенбога.

Въ одинъ теплый майскій вечеръ опять появилась на сценѣ Клара Гелль въ роли „Королевы ночи“. Всѣмъ была извѣстна причина, по которой пѣвица въ теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ не выступала въ оперѣ. Пятнадцатаго марта князь Рихардъ Беденбрукъ упалъ съ лошади и послѣ нѣсколькихъ часовъ страданій скончался на рукахъ ни на минуту не отходившей отъ него Клары. Отчаянье Клары было настолько сильно, что сначала опасались за ея жизнь, потомъ за разсудокъ и до послѣдней минуты за голосъ. Но третье опасеніе оказалось такимъ же неосновательнымъ, какъ и предыдущія оба. Шумно и радостно

привѣтствовала публика появленіе Клары, а послѣ первой аріи ея близкимъ друзьямъ оставалось только принимать отъ всѣхъ поздравленія. Весело сіяло въ четвертомъ ярусѣ галлерей дѣтски-румяное личико Фанни Рингейзеръ, и почетные завсегдатаи первыхъ рядовъ партера съ улыбкой обмѣнивались съ ней взглядами, полными взаимнаго пониманія. Они хорошо знали, что Фанни, несмотря на то, что была только дочерью Маріагильфскаго басонщика, принадлежала къ тѣсному кругу знакомыхъ обожаемой всѣми пѣвицы, часто бывала въ домѣ у нея и даже любила покойнаго князя втайнѣ. Фанни въ антрактѣ рассказывала своимъ друзьямъ, что это, только благодаря барону Лейзенбогу, Клара для своего перваго выступленія остановилась на выборѣ „Королевы ночи“, находя, что темный нарядъ будетъ больше всего гармонировать съ ея теперешнимъ настроеніемъ. Баронъ занялъ мѣсто въ

первомъ ряду у оркестра и, какъ всегда, въ углу. На привѣтствіа знакомыхъ онъ отвѣчалъ любезной или, скорѣе, грустной улыбкой. Много воспоминаній проносилось сегодня предъ нимъ. Десять лѣтъ назадъ онъ узналъ Клару впервые.

Покровительствуя артистической карьерѣ одной молодой, рыжеволосой и стройной особы, онъ присутствовалъ на концертѣ классовъ пѣнія Эйзенштейнъ, на концертѣ, гдѣ его протежэ въ первый разъ выступала публично въ партіи Миньоны. Баронъ услышалъ тогда и Клару, пѣвшую арію Филины въ той-же сценѣ. Въ то время ему, независимому и чуждому предразсудковъ, было только двадцать пять лѣтъ. И съ этой минуты онъ оставилъ Миньону, попросилъ г-жу Натали Эйзенштейнъ представить его Филинѣ и тутъ-же сказалъ ей, что готовъ отдать въ ея распоряженіе свое сердце, состояніе и связи въ высшемъ кругу. Клара жила тогда съ матерью, вдовой одного круп-

наго почтоваго чиновника и влюблена была въ юнаго студента-медика, съ которымъ нерѣдко и подолгу про-сидивала въ его комнатѣ въ Альзерскомъ предмѣстьѣ за чашкою чая и болтовней. Она отклонила настойчивыя и страстныя признанія барона, но, благодаря клятвамъ въ вѣрности Лейзенбога, смягчилась и стала любовницей медика. Баронъ, отъ котораго она не дѣлала изъ этого тайны, вернулся опять къ своей рыжей протежѣ, съ Кларой-же не прерывалъ знакомства. И при каждомъ удобномъ случаѣ, придираясь къ малѣйшему поводу или празднику, онъ присылалъ ей цвѣты и конфекты, а иногда даже появлялся и самъ на пріемахъ у вдовы почтоваго чиновника.

Осенью Клара приняла первый ангажементъ въ Детмольдѣ. Баронъ Лейзенбогъ, въ то время еще министерскій чиновникъ, воспользовался первымъ рождественскимъ отпускомъ, чтобы навѣстить Клару въ ея новой резиденціи. Зная, что сту-

дентъ-медикъ сталъ врачомъ и недавно женился на комъ-то, онъ началъ снова лелѣять мечту, но Клара, какъ всегда, откровенная и прямодушная, въ первую-же минуту сообщила барону, что связана теперь нѣжными чувствами съ теноромъ придворной оперы. Такимъ образомъ, Лейзенбогъ не могъ вывезти изъ Детмольда никакого другого воспоминанія, кромѣ невинной прогулки въ пригородномъ лѣсу да ужина въ театральномъ ресторанѣ, въ обществѣ нѣсколькихъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Несмотря, однако, на все это, онъ потомъ не разъ предпринималъ поѣздку въ Детмольдъ, радовался своимъ артистическимъ сердцемъ большому успѣху Клары и возлагалъ надежды на будущій сезонъ, когда уѣдетъ теноръ, приглашенный въ Гамбургъ и даже уже подписавшій контрактъ. Но и на этотъ разъ ожиданія его обманули, такъ какъ Клара нашла нужнымъ поддаться ухаживаньямъ богатаго голландскаго

купца Луиса Фергайна. И когда потомъ, спустя годъ, она была приглашена въ Дрезденъ, въ придворную оперу, баронъ, несмотря на молодость, пожертвовалъ своей многообъщающей служебной карьерой и переѣхалъ въ Дрезденъ. Здѣсь проводилъ онъ всѣ вечера съ Кларой и ея матерью, умѣвшею разыгрывать полное невѣдѣніе въ отношеніи связей дочери, и сталъ снова надѣяться. У голландца, къ сожалѣнію, было очень непріятное обыкновеніе въ каждомъ письмѣ извѣщать возлюбленную о своемъ завтрашнемъ пріѣздѣ и, предупреждая ее о томъ, что она окружена сонмомъ шпионовъ, грозитъ ужасною смертію, въ случаѣ ея измѣны ему. Но такъ какъ онъ все не являлся, а Клара приходила въ состояніе все большей и большей нервности, Лейзенбогъ рѣшилъ во что-бы то ни стало положить этому конецъ и отправиться въ Детмольдъ лично переговорить съ голландцемъ. Послѣдній, къ большому

удивленію барона, заявилъ, что онъ, просто изъ фантазерства, писалъ Кларъ любовныя и угрожающія письма и что для него ничто такъ не желательно, въ данный моментъ, какъ освобожденіе отъ какихъ-бы то ни было обязательствъ. Счастливый, сіяющій Лейзенбогъ возвратился въ Дрезденъ и сообщилъ Кларъ этотъ пріятный для него результатъ переговоровъ. Та сердечно его поблагодарила, но сейчасъ-же, съ рѣшительностью, удивившей барона, отклонила его первое проявленіе нѣжности. Послѣ нѣсколькихъ прямыхъ и настоятельныхъ вопросовъ, она призналась ему, что въ его отсутствіе не кто иной, какъ принцъ Гаэтано, вдругъ воспылалъ къ ней сильнѣйшею страстью и поклялся, что наложить на себя руки, если она не уступитъ его мольбамъ. Естественно, что, въ концѣ концовъ, она должна была сдаться, боясь повергнуть въ ужасную печаль и дворъ, и страну. Съ разбитымъ сердцемъ

покинулъ Лейзенбогъ Дрезденъ и вернулся въ Вѣну. Здѣсь онъ пустилъ въ ходъ всѣ свои связи въ артистическомъ мірѣ, охваченный желаніемъ, чтобы Клара на слѣдующій сезонъ была принята въ вѣнскую оперу. И вотъ она явилась сюда въ октябрѣ и послѣ ряда блестящихъ гастролей получила ангажементъ. Великолѣпная корзина цвѣтовъ „отъ барона“, которую она нашла въ вечеръ перваго дебюта въ своей уборной, казалось, говорила о мольбѣ и надеждѣ... Но, увы, вдохновенный жрецъ и поклонникъ, ждавшій ее послѣ представленія, долженъ былъ снова съ грустью узнать, что онъ опять опоздалъ. Бѣлокурый піанистъ-аккомпаниаторъ, небезызвѣстный композиторъ романсовъ, — съ которымъ Клара въ послѣднее время кое-что разучивала, получилъ на нее права, и ихъ она ни за что на свѣтѣ не желала нарушить.

Прошло семь лѣтъ. Аккомпаниа-

тора смѣнилъ Клеменсъ фонъ-Родевилъ, отважный наѣздникъ, его—капельмейстеръ Винцентъ Клауди, который, дирижируя оперой, такъ громко подпѣвалъ пѣвцамъ, что иногда заглушалъ ихъ пѣніе, капельмейстера—графъ фонъ-Альбанъ-Ратони, проигравшій въ карты всѣ свои венгерскія имѣнія и затѣмъ выигравшій замокъ въ Нижней Австріи. За графомъ послѣдовалъ Эдгаръ Вильгельмъ, сочинитель балетовъ и трагедій, о которыхъ самъ былъ весьма высокаго мнѣнія и для постановки которыхъ онъ нанималъ Яншъ - театръ. Его произведенія, всегда написанныя стихами, печатались прекраснѣйшимъ шрифтомъ въ глупѣйшемъ столичномъ дворянскомъ листкѣ. Эдгара Вильгельма смѣнилъ субъектъ, именовавшійся Амандусомъ Мейеромъ,—о немъ, къ сожалѣнію, совершенно нечего было сказать, кромѣ того, что ему было всего девятнадцать лѣтъ и что онъ обладалъ очень красивою

внѣшностью и фокстерьеромъ, умѣвшимъ стоять на головѣ. Мѣсто Мейера не замедлилъ занять князь Рихардъ Беденбрукъ, одинъ изъ изящнѣйшихъ людей Австріи.

Клара никогда не считала нужнымъ дѣлать секретовъ изъ своихъ связей. Домъ ея былъ обыкновеннымъ бюргерскимъ домомъ, въ которомъ только часто мѣнялись хозяева. Какъ пѣвица, у публики она пользовалась исключительной любовью. Въ высшемъ свѣтѣ очень цѣнилось то, что она ходитъ каждое воскресенье къ обѣднѣ, исповѣдуется черезъ каждыя двѣ недѣли, носить на груди, въ видѣ амулета, освященнаго папою, образъ Мадонны и, отходя ко сну, никогда не забываетъ молиться. Рѣдкій благотворительный базаръ обходился безъ участія Клары, и какъ аристократки, такъ и дамы изъ еврейскаго финансоваго міра, считали за счастье торговать въ одномъ кіоскѣ съ ней. Съ очаровательной улыбкой она раскланивалась съ юными поклонни-

ками, поджидавшими ее у входа. Поднесенные ей цвѣты она раздавала терпѣливой и восхищенной публикѣ, и разъ, когда цвѣты остались въ уборной, Клара воскликнула, уходя и пріятно растягивая по-вѣнски: „Ахъ, Боже мой, я тамъ у себя позабыла этотъ салатъ... Приходите ко мнѣ завтра къ вечеру, дѣтки, кто желаетъ еще что-нибудь получить...“ И усѣвшись въ карету, она выглянула въ окно и, уже отъѣзжая, крикнула: „и по чашкѣ кофе получите!“

Въ числѣ немногихъ, имѣвшихъ смѣлость воспользоваться этимъ приглашеніемъ, была и Фанни Рингейзеръ. Клара какъ-то вступила съ ней въ шуточный разговоръ, освѣдомилась съ благосклонной снисходительностью герцогини о ея семейномъ положеніи и вдругъ почувствовала такое удовольствіе отъ болтовни молодой и восторженной дѣвочки, что пригласила ее притти опять. Фанни, конечно, приняла приглашеніе, и

вскорѣ ей пришлось неожиданно занять въ домѣ артистки почетное мѣсто, удавшееся приобрѣсти главнымъ образомъ потому, что въ отвѣтъ на всѣ откровенности Клары, она не позволила себѣ ни одной откровенности, ни одной фамильярности. Фанни въ теченіе короткаго времени получила цѣлый рядъ предложеній, большею частью отъ молодыхъ сыновей фабрикантовъ изъ Мариагильфа, съ которыми обыкновенно танцевала на балахъ. Но она всѣхъ ихъ отвергла, такъ какъ систематически влюблялась въ поклонниковъ Клары.

Князя Беденбрука Клара любила больше трехъ лѣтъ съ обычною преданностью, но страстнѣе и глубже, чѣмъ его предшественниковъ, и Лейзенбогъ, котораго, несмотря на многочисленныя неудачи, никогда не покидала надежда, началъ серьезно опасаться, что счастье, котораго онъ жаждалъ десять лѣтъ, совсѣмъ не улыбнется ему. Обыкновенно, начи-

ная замѣчать, что ея благосклонность къ кому-либо ослабѣваетъ, баронъ спѣшилъ разстаться со своей собственной любовницей, чтобы быть во всякій моментъ наготовѣ. Такъ случилось и при неожиданной смерти князя Рихарда, но въ этотъ разъ это произошло у барона какъ-то скорѣй по привычкѣ, чѣмъ намѣренно. Горе Клары было такъ безгранично, что всѣмъ казалось, будто она навсегда распростилась съ радостью жизни. Она ѣздила ежедневно на кладбище, украшала могилу цвѣтами и, запрятавъ подъ спудъ свои свѣтлыя платья, убрала въ далекій ящикъ всѣ драгоценности и украшенія. Понадобились серьезныя усилія, со стороны друзей, чтобы уговорить ее не бросать сцену.

Послѣ новаго и блестящаго появленія въ оперѣ, жизнь Клары, по крайней мѣрѣ наружно, приняла обычное теченіе. Прежній кругъ, временно отдалившихся знакомыхъ, вновь собрался около нея. Явился

и музыкальный критикъ Бернгардъ Фейерштейнъ, съ обычными пятнами на сюртукѣ отъ шпината или томата, смотря по меню обѣда, и, къ нескрываемому удовольствію Клары, каждый разъ обрушивался бранью на ея товарищей или директора. Двумъ двоюроднымъ братьямъ князя Рихарда, Люцію и Христіану, она, попрежнему, милостиво разрѣшала почтительно ухаживать за собою, и въ-домъ ея были введены еще новые посѣтители: нѣкто, служащій во французскомъ посольствѣ и молодой чехъ, піанистъ-виртуозъ. А десятого іюня Клара поѣхала на скачки. Но, по выраженію князя Люція, не лишеннаго поэтическаго дара, въ ней стала пробуждаться только душа, сердце-же, попрежнему, оставалось погруженнымъ въ дремоту. И, дѣйствительно, при малѣйшемъ намекѣ кого-либо изъ ея новыхъ или старыхъ друзей на существующую въ мірѣ нѣжность и страсть, улыбка сбѣгала съ ея ли-

ца, взглядъ заблакивался туманомъ, а безнадежный жестъ рукой, казалось, говорилъ: „о, какъ все въ этомъ мѣрѣ не вѣчно!“

Во второй половинѣ іюня сѣверный пѣвецъ Зигурдъ Ользе пѣлъ въ оперѣ партію Тристана. Его голосъ, быть можетъ не безукоризненный по тембру, отличался силой и чистотой, въ фигурѣ, при исполинскомъ ростѣ, замѣчалась нѣкоторая склонность къ полнотѣ, а лицо, когда онъ молчалъ, было лишено особеннаго выраженія, но стоило Зигурду запѣть, чтобъ въ его сѣрыхъ глазахъ, настоящаго стального оттѣнка, зажигался какой-то таинственный свѣтъ, и своимъ взоромъ, равно, какъ и голосомъ, онъ опьянялъ и одурманивалъ всѣхъ, особенно женщинъ.

Клара сидѣла въ ложѣ съ товарищами, не участвовавшими въ спектаклѣ. Она одна казалась вполнѣ равнодушной. На слѣдующее утро въ директорской ей былъ пред-

ставленъ Зигурдъ Ользе. Клара сказала ему нѣсколько довольно холодныхъ любезностей по поводу его вчерашняго исполненія. Въ этотъ же день, безъ всякаго приглашенія съ ея стороны, онъ ей сдѣлалъ визитъ. Здѣсь былъ въ это время баронъ Лейзенбогъ и Фанни Рингейзеръ. Сѣли за чай. Зигурдъ сталъ рассказывать о своихъ родителяхъ-рыбакахъ, жившихъ въ маленькомъ норвежскомъ городкѣ, о томъ, какъ чудесно и неожиданно былъ открытъ у него голосъ однимъ путешественникомъ - англичаниномъ, приставшимъ на бѣлой яхтѣ къ далекому фіорду, о своей женѣ итальянкѣ, умершей во время свадебнаго путешествія въ Атлантическомъ океанѣ, о ея погребеніи въ морѣ... Послѣ его ухода всѣ долго оставались въ молчаніи. Фанни пристально уставилась въ пустую чашку, Клара сѣла къ роялю и оперлась руками въ его закрытую крышку, а баронъ, молчаливый и тревожный, весь ушелъ

въ рѣшеніе вопроса, почему это Клара во время разсказа о свадебномъ путешествіи Зигурда не сдѣлала того безнадежнаго жеста рукой, жеста, который со смерти князя она дѣлала при малѣйшемъ намекѣ на любовь, словно отрицая ея существованіе на землѣ.

Слѣдующими партіями гастрольной программы Зигурда были „Зигфридъ“ и „Лоэнгринъ“. И каждый разъ, сидя въ ложѣ, Клара сохраняла свой прежній безучастно-равнодушный видъ, пѣвецъ-же, не водившій до тѣхъ поръ ни съ кѣмъ знакомства, кромѣ служащихъ въ норвежскомъ посольствѣ, каждое послѣобѣда засиживался у Клары, иногда безъ Фанни Рингейзеръ и всегда въ присутствіи Лейзенбога. Двадцать седьмого іюня онъ въ послѣдній разъ выступалъ въ партіи Тристана. Съ прежнимъ безстрастнымъ видомъ сидѣла Клара въ ложѣ. Утромъ слѣдующаго дня она поѣхала съ Фанни на кладбище и возложила на

могилу князя гигантскихъ размѣровъ вѣнокъ, а вечеромъ устроила рауть въ честь пѣвца, завтра покидавшаго Вѣну.

Кругъ друзей былъ въ полномъ составѣ. Не ускользнуло ни отъ чьего наблюденія, что Зигурда охватила страсть къ Кларѣ. По обыкновению, говорилъ онъ много и возбужденно. Между прочимъ, онъ разсказалъ, что во время его морского путешествія аравитянка, вышедшая замужъ за одного изъ русскихъ великихъ князей, предсказала ему по линиямъ руки, что для него скоро должна наступить роковая полоса жизни. Онъ твердо вѣрилъ этому предсказанію, и суевѣріе въ немъ казалось чѣмъ-то бѣльшимъ желанья позировать. Разсказалъ онъ также о случаѣ, впрочемъ, уже извѣстномъ многимъ, случаѣ, какъ въ прошломъ году во время его высадки съ парохода въ Нью-Йоркѣ, куда онъ приглашенъ былъ на гастроли, и долженъ былъ уплатить огромную не-

устойку, если нарушить условіе ангажемента, онъ, несмотря на все это, сѣлъ въ тотъ же день и часъ на корабль, отходившій обратно въ Европу, потому только, что по сходнямъ, мимо его ногъ пробѣжала черная кошка.

Судя по его словамъ, онъ имѣлъ полное основаніе вѣрить въ подобныя странныя примѣты и предсказанія. Въ одинъ изъ вечеровъ, когда Зигурдъ пѣлъ въ Лондонѣ, въ Ковендгарденскомъ театрѣ, онъ позабылъ произнести передъ выходомъ заклинаніе, которое зналъ еще отъ своей бабки, и вдругъ голосъ ему измѣнилъ. Потомъ какъ-то ночью, во снѣ ему явился крылатый духъ, затянутый въ розовое трико и объявилъ о смерти его любимаго парикмахера и, дѣйствительно, на слѣдующее утро бѣдняга былъ найденъ повѣсившимся. Кромѣ того Зигурдъ всегда носилъ при себѣ краткое, но многозначущее посланье, съ которымъ обратился къ нему однажды въ Брюс-

селъ на спиритическомъ сеансѣ духъ умершей пѣвицы Корнелии Лужанъ. Посланіе заключало въ себѣ на чистѣйшемъ португальскомъ нарѣчїи предсказаніе о томъ, что ему суждено сдѣлаться величайшимъ пѣвцомъ Стараго и Новаго Свѣта. Когда онъ разсказалъ это, и когда изъ рукъ въ руки стало переходить спиритическое письмо, написанное на розовой англійской бумагѣ фабрики Глинвудъ, волненіе охватило все общество. И лишь лицо Клары оставалось, какъ всегда, безстрастнымъ и холоднымъ, — она только разъ, другой равнодушно кивнула рассказчику. Несмотря, однако, на это, тревога Лейзенбога росла и достигла высшей своей точки. Его пронизательному взору все яснѣй и яснѣй стала рисоваться картина грозящей опасности.

За ужиномъ Зигурдъ вдругъ почувствовалъ наплывъ какой-то особенной симпатїи къ Лейзенбогу, — это случилось почти всегда съ Клариными любовниками, — онъ пригласилъ ба-

рона въ свое помѣстье у фіорда, близъ Мольде и, подъ конецъ, предложилъ выпить „на ты“. А Фанни Рингейзеръ, вздрагивавшая всѣмъ своимъ тѣломъ при малѣйшемъ обращеніи къ ней Зигурда, блѣднѣла и краснѣла подъ взглядомъ его большихъ стальныхъ глазъ. Когда-же онъ заговорилъ о предстоящемъ отъѣздѣ, она громко и неудержимо расплакалась. Но и тутъ Клара продолжала оставаться спокойной и серьезной. Она еле отвѣчала на пламенные взоры Зигурда, не говорила съ нимъ оживленнѣе, чѣмъ съ другими и когда, наконецъ, онъ поцѣловалъ ей руку, посмотрѣвъ на нее глазами, полными мольбы, обѣщанія и отчаянія, въ отвѣтномъ взглядѣ ея стояла та-же странная дымка, а черты были неподвижны попрежнему. Съ ревностью и тревогой наблюдалъ это Лейзенбогъ. Когда-же вечеринка пришла къ концу, и всѣ стали прощаться другъ съ другомъ, Лейзенбогу пришлось испытать нѣчто совсѣмъ ужь особенное, по

своей неожиданности. Онъ послѣднимъ изъ всѣхъ протянулъ Кларѣ руку, собираясь уйти, но она задержала его и шепнула: „Зайдите еще сегодня“... Барону показалось, что слухъ его обманулъ, но Клара еще разъ сжала руку Лейзенбога и, приблизивъ ротъ къ его уху повторила опять „Зайдите-же... Черезъ часъ я васъ жду“... Почти шатаясь, словно одурманенный, вышелъ онъ на улицу съ другими. И когда вмѣстѣ съ Фанни онъ провожалъ Зигурда до гостиницы, ему казалось, будто тотъ вслухъ мечтаетъ о Кларѣ. Потомъ онъ повелъ Фанни къ Мариагильфу по тихимъ уснувшимъ улицамъ, ночная прохлада которыхъ струила пріятный липовый ароматъ, и ему теперь, будто сквозь дымку, чудилось, какъ по дѣтски-розовымъ щечкамъ Фанни сбѣгаютъ наивныя, глупыя слезы... Потомъ онъ сѣлъ на извозчика и поѣхалъ къ Кларѣ. Онъ увидѣлъ мерцающій свѣтъ сквозь оконныя шторы ея спальни, замѣтилъ,

какъ промелькнула тѣнь Клары и вдругъ межъ гардинъ показалась и выглянула ея голова... Итакъ, это не сонъ: она ждетъ его...

На слѣдующее утро баронъ поѣхалъ въ Пратеръ верхомъ. Онъ чувствовалъ себя молодымъ и счастливымъ. Ему казалось теперь, что именно въ позднемъ удовлетвореніи страсти кроется настоящій, особенный смыслъ. Все пережитое нынѣшней ночью было поразительной, дивной случайностью, пополненіемъ прошлаго и необходимымъ завершеніемъ прежнихъ его отношеній къ Кларѣ. Теперь онъ чувствовалъ, что иначе и быть не могло и сталъ строить планы близкаго и отдаленнаго будущаго. — „Долго-ли она еще пробудетъ на сценѣ“? — думалъ онъ. — „Вѣроятно, не больше четырехъ, пяти лѣтъ... И тогда только, но никакъ не раньше, мы повѣнчаемся... Мы поселимся въ деревнѣ, близко, близко отъ Вѣны, можетъ быть, въ Санъ-Файтѣ или хоть въ Лайнциѣ... Тамъ куплю я или лучше

построю по ея вкусу домъ, небольшой домъ... Жить мы станемъ уединенно, но зато будемъ много путешествовать... Поѣдемъ въ Испанію, въ Египеть, въ Индію“...

Такъ мечталъ Лейзенбогъ, пуская свою лошадь быстрѣй по зеленому лугу. Рысью онъ въѣхалъ въ большую аллею и у Пратерской звѣзды пересѣлъ въ свой экипажъ. Возлѣ Фоссати онъ приказалъ кучеру остановиться, купилъ тамъ букетъ великолѣпныхъ темныхъ розъ и послалъ его Кларѣ. Позавтракавъ у себя дома, въ своей квартирѣ на Шварценбергской площади, какъ всегда, въ одиночествѣ, баронъ улегся на диванъ, весь охваченный пламенной страстью къ Кларѣ. Чѣмъ были для него всѣ другія женщины? Одной мимолетной забавой, разсѣянiемъ отъ скуки—не больше... И вотъ онъ предвкушалъ теперь день, когда Клара тоже ему скажетъ: „Чѣмъ были для меня всѣ другіе мужчины?.. Ты единственный и ты первый, кого я по-настоящему люб-

лю“.. И лежа на диванѣ съ закрытыми глазами, онъ живо представилъ себѣ всю эту длинную вереницу ея поклонниковъ. О, конечно, она никого до него не любила, а его, быть можетъ, всегда и въ каждомъ изъ нихъ!..

Баронъ переодѣлся и медленно, какъ-бы желая этимъ хоть на нѣсколько мгновений отдалить и продлить радость новаго и перваго свиданія, направился знакомой дорогой къ дому Клары. На площади было много гуляющихъ, но однако ужъ чувствовалось, что сезонъ подходитъ къ концу. И Лейзенбогъ радовался наступленію лѣта, и тому, что онъ увидетъ съ Кларой любоваться горами и моремъ. Онъ даже долженъ былъ дѣлать надъ собой усилія, чтобы не улыбаться отъ восторга и радости.

Баронъ остановился у оконъ Клары и заглянулъ туда. Послѣобѣденное солнце свѣтило на стекла и ослѣпляло ему глаза. Онъ поднялся во второй этажъ и позвонилъ у двери. Не от-

пирають. Онъ позвонилъ еще разъ. Опять тихо и никого. И тутъ только замѣтилъ Лейзенбогъ висячій замокъ на дверяхъ. Что это значитъ? Ужъ не ошибся-ли онъ этажемъ? На двери у Клары не было дощечки, но на противоположной значилось, какъ всегда: „Оберъ-лейтенантъ Желесковицъ“. Нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что онъ стоялъ передъ ея квартирой, и квартира эта была заперта. Баронъ вмигъ сбѣжалъ съ лѣстницы и распахнулъ дверь въ помещенiе швейцара. Въ полутемной каморкѣ на постели сидѣла жена швейцара; одинъ изъ ея мальчиковъ напряженно смотрѣлъ на улицу въ подвальное окошко, а другой выводилъ на гребешкѣ какой-то странный мотивъ.

— „Развѣ фрейлейнъ Гелль нѣтъ дома?“ — спросилъ баронъ. Женщина встала. — „Да, господинъ баронъ, фрейлейнъ Гелль уѣхала“...

— „Какъ?“ — воскликнулъ баронъ и потомъ, спохватившись, приба-

вилъ:— „Ахъ, да... вѣдь она уѣхала въ три часа“...

— „Нѣтъ, господинъ баронъ, барышня уѣхала въ восемь утра“...

— „А куда, вы не знаете?.. Вѣроятно она поѣхала въ Дрезденъ“, — сказалъ онъ наугадъ. „Прямо въ Дрезденъ“...

— „Не знаю, господинъ баронъ, она не оставила адреса. Барышня сказала, что потомъ напишетъ, гдѣ она“...

— „Такъ... такъ... да... да... конечно... Благодарю васъ“.

Онъ повернулся и вышелъ на улицу, но его влекло опять взглянуть на окна... Въ нихъ, попрежнему, ярко горѣли лучи отраженнаго вечерняго солнца. Какой неприятный, удушливый зной сгустился надъ городомъ!.. Клара уѣхала... Но почему?.. Неужели она отъ него убѣжала?.. И что значило это все? Онъ хотѣлъ было ѣхать въ оперу, но потомъ вспомнилъ вдругъ, что сезонъ оконченъ, и что Клара была ужъ свободна дня два.

Тогда онъ поѣхалъ на Мариагильфскую улицу, въ домъ № 78, гдѣ жили Рингейзеръ. Двери открыла старая кухарка и съ отѣнкомъ недовѣрія взглянула на изящнаго посѣтителя. Баронъ попросилъ вызвать госпожу Рингейзеръ. „Дома-ли фрейлейнъ Фанни“? — спросилъ онъ съ волненіемъ, котораго ужъ не могъ больше скрыть.

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить? — строго спросила Рингейзеръ.

Баронъ представился.

— Ахъ, вотъ кто!... Не хотите-ли зайти въ комнаты, господинъ баронъ?

Но Лейзенбогъ продолжалъ стоять въ передней и опять повторилъ свой вопросъ: „Дома фрейлейнъ Рингейзеръ“?

— Пройдемте дальше, господинъ баронъ. — Онъ поневолѣ долженъ былъ послѣдовать за нею и скоро очутился въ низенькой полутемной комнатѣ съ синей бархатной мебелью и такого-же цвѣта репсовыми драпировками на окнахъ.

— Нѣтъ,—сказала фрау Рингейзеръ,—Фанни нѣтъ дома. Фрейлейнъ Гелль взяла ее въ отпускъ съ собой...

— Куда?—спросилъ баронъ, устремивъ пристальный взглядъ на фотографію Клары, стоявшую на роялѣ въ узкой золоченой рамѣ.

— Не знаю, куда,—сказала Рингейзеръ. — Сегодня въ восемь часовъ утра пріѣхала сама фрейлейнъ Гелль и просила меня отпустить Фанни вмѣстѣ съ ней... Она такъ убѣдительно просила, что я не могла отказать...

— Но куда?.. куда?.. — добивался баронъ.

— Этого не сумѣю вамъ сказать... Фанни мнѣ будетъ телеграфировать, какъ только фрейлейнъ Гелль рѣшитъ, гдѣ остановится... Это ужъ, вѣроятно, завтра или, можетъ быть, послѣзавтра...

— Такъ... такъ... — сказалъ Лейзенбогъ, усаживаясь на маленькій бамбуковый стулъ у рояля. Помолчавъ съ минуту, онъ порывисто

поднялся, протянулъ руку госпожѣ Рингейзеръ и, попросивъ извиненія за причиненное безпокойство, медленно сошелъ внизъ съ темной лѣстницы стараго дома.

Онъ покачалъ головой. Да, она очень осторожна... осторожнѣй, чѣмъ слѣдуетъ... Но вѣдь она знаетъ прекрасно, что я никогда не былъ назойливъ...

— Куда прикажете ѣхать, господинъ баронъ? — спросилъ кучеръ Лейзенбога, только сейчасъ замѣтившаго, что онъ давно ужъ сидитъ въ экипажѣ и разсѣянно смотритъ по сторонамъ. И, словно слѣдуя чужому внушенію, онъ сказалъ кучеру: „Въ гостиницу Бристоль“.

Зигурдъ Ользе не уѣхалъ еще. Онъ пригласилъ барона къ себѣ въ номеръ, радостно встрѣтилъ его и предложилъ провести съ нимъ послѣдній вечеръ. Лейзенбогъ былъ глубоко и пріятно пораженъ тѣмъ, что пѣвецъ еще въ Вѣнѣ, и его ласковость тронула барона до слезъ.

Зигурдъ сейчасъ-же заговорилъ о Кларѣ. Онъ просилъ Лейзенбога рассказать ему все, все, что онъ о ней знаетъ, что только возможно, такъ какъ ему, Зигурду, извѣстно, что баронъ самый старый, самый вѣрный ея другъ. И Лейзенбогъ, усѣвшись на край чемодана, сталъ говорить о Кларѣ. Ему было пріятно вести о ней рѣчь. Онъ рассказалъ пѣвцу все, все, что зналъ, за исключеніемъ вещей, о которыхъ, какъ джентельменъ, долженъ былъ умолчать. Зигурдъ слушалъ съ видимымъ восхищеніемъ.

За ужиномъ пѣвецъ пригласилъ своего новаго друга ѣхать съ нимъ въ Мольде, въ его имѣніе. Баронъ вдругъ почувствовалъ себя удивительно успокоеннымъ и примиреннымъ. Предложеніе Ользе онъ отклонилъ на сегодня, давъ обѣщаніе непременно посѣтить его въ теченіе лѣта.

Они вмѣстѣ отправились на вокзалъ. „Ты, можетъ быть, сочтешь

меня за глупца, но я хочу еще въ послѣдній разъ проѣхать мимо ея оконъ“,—сказалъ Зигурдъ. Лейзенбогъ бросилъ на него косою, недо-вѣрчивый взглядъ. А что, если все это не больше какъ средство, пу-щенное въ ходъ для отвода глазъ, или, быть можетъ, только дока-зательство недогадливости пѣвца. Подъѣхавъ къ дому Клары, Зигурдъ послалъ закрытымъ окнамъ долгій воздушный поцѣлуй и сказалъ: „Пе-редайте ей мои привѣтствія“.

Лейзенбогъ кивнулъ головой: „Не-премѣнно, когда она пріѣдетъ, ей все передамъ...“

Зигурдъ бѣгло взглянулъ на ба-рона.

— Она уѣхала сегодня рано ут-ромъ, — прибавилъ Лейзенбогъ. — Уѣхала, не простившись, по своему обыкновению, — слукавилъ онъ.

— Уѣхала, — повторилъ Зигурдъ и задумался. Оба погрузились въ молчаніе.

Передъ отходомъ поѣзда они об-

нялись, какъ старые друзья. И въ эту ночь баронъ плакалъ въ постели такъ, какъ плакалъ только въ дни ранняго дѣтства. Часъ наслажденія, пережитый съ Кларой, казался ему подернутымъ темною тучей. Какимъ-то безуміемъ горѣли ея глаза прошлою ночью. Теперь онъ все понималъ: слишкомъ рано послѣдовалъ онъ ея призыву. Тѣнь князя Беденбрука еще властвуетъ надъ ней. Теперь Лейзенбогъ ясно чувствовалъ, что онъ овладѣлъ Кларой лишь затѣмъ, чтобы потомъ навсегда ее утратить...

Дня три блуждалъ онъ по Вѣнѣ, не зная куда дѣвать своихъ дней и ночей... Ко всему, чѣмъ раньше наполнялъ онъ свое время—къ газетѣ, игрѣ въ карты, верховой ѣздѣ—онъ какъ-то сразу и въ одинаковой степени охладѣлъ. Онъ чувствовалъ, что только Клара давала смыслъ всему его существованію, что даже отношенія къ другимъ женщинамъ были лишь отблескомъ его страсти къ Кларѣ.

Ему казалось, что надъ городомъ повисъ сѣрый, густой туманъ, которому никогда не разсѣяться. Ему казалось, что у людей, когда онъ говорилъ съ ними,—глухіе, непріятные голоса, а взоры странные и предательски-вѣроломные. Какъ-то вечеромъ онъ отправился на вокзалъ и тамъ въ кассѣ, почти машинально, взялъ билетъ въ Ишль. Тутъ онъ встрѣтилъ знакомыхъ, любезно и безопасно справлявшихся о Кларѣ. Баронъ отвѣчалъ имъ съ отѣнкомъ рѣзкости и раздраженія, и потомъ, совершенно неожиданно для себя самого, сталъ стрѣляться на дуэли съ какимъ-то не интереснымъ и не симпатичнымъ господиномъ. Онъ выступилъ безъ малѣйшаго воодушевленія, услышалъ, какъ пуля пролетѣла мимо самага его уха, выстрѣлилъ въ воздухъ и спустя полчаса покинулъ Ишль.

Потомъ поѣхалъ въ Тироль, въ Энгадинъ, въ Бернскій Оберландъ, къ Генферскому озеру, много гребъ,

много ходилъ пѣшкомъ, дѣлалъ подъемы на горы, даже разъ переночевалъ въ хижинѣ горнаго пастуха и, въ концѣ-концовъ, каждый новый день былъ ужасно похожъ на ирошедшій.

Однажды онъ получилъ телеграмму, пересланную изъ Вѣны сюда. Дрожащими руками онъ ее распечаталъ и прочелъ: „Если ты другъ мнѣ, сдержи свое слово и пріѣзжай. Я нуждаюсь въ другѣ. Зигурдъ Ользе“. Ни минуты не сомнѣвался Лейзенбогъ въ томъ, что содержаніе этой телеграммы должно было непременно имѣть отношеніе къ Кларѣ. Быстро, какъ только могъ, уложилъ онъ свои вещи, пользуясь возможностью поскорѣе покинуть Айксъ, гдѣ теперь находился. Безъ остановокъ въ пути онъ проѣхалъ отъ Мюнхена до Гамбурга и тутъ пересѣлъ на пароходъ, привезшій его черезъ Ставангеръ въ Мольде. Онъ явился сюда въ ясный лѣтній вечеръ. Путешествіе показалось безконечно длиннымъ, потому что душа совершенно не трогалась

красотою пейзажа. Последнее время онъ словно даже потерялъ способность воскрешать въ воображеніи Кларино пѣніе и ея черты. Ему казалось, что годы, десятки лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ изъ Вѣны. Но когда на берегу баронъ увидѣлъ Зигурда, въ бѣломъ суконномъ костюмѣ и такой-же бѣлой шляпѣ, ему показалось, что только наканунѣ онъ видѣлъ его. И при всемъ своемъ волненіи баронъ съ улыбкой отвѣчалъ съ палубы на привѣтствія Зигурда и, потомъ сразу овладѣвъ собой, спокойно сошелъ по трапу.

— „Безконечно благодаренъ тебѣ за то, что ты отозвался на мой призывъ“, — сказалъ Зигурдъ и прибавилъ коротко: — „Я погибъ“. — Баронъ его окинулъ взоромъ. Зигурдъ былъ изумительно блѣденъ, и волосы на вискахъ серебрились странной сѣдиной. На рукѣ былъ зеленый пледъ.

— „Что съ тобой? Что случилось?“ — спросилъ Лейзенбогъ, принужденно улыбаясь.

— „Ты сейчас все узнаешь“, — сказалъ Зигурдъ Ользе.

Барону показалось, что голосъ пѣвца звучить глухо.

Они поѣхали въ маленькомъ тѣсномъ экипажѣ по прелестной аллеѣ, вдоль голубого моря. Оба молчали. Лейзенбогъ не рѣшался спрашивать. Онъ устремилъ взоръ свой на воду, шевелившуюся едва. Барономъ овладѣло странное, и, казалось, непреодолимое желаніе сосчитать волны. Потомъ онъ взглянулъ на небо и ему почудилось, будто звѣзды, какъ капли, какъ искры, падаютъ внизъ. И, наконецъ, пришло на умъ, что гдѣ-то существуетъ пѣвица Клара Гелль, которая странствуетъ по широкому міру, но это показалось такимъ неважнымъ, неважнымъ... Экипажъ неожиданно сдѣлалъ крутой поворотъ и остановился передъ простымъ, бѣлымъ домомъ, совершенно утопавшимъ въ зелени.

Они сѣли ужинать на верандѣ, откуда открывался видъ на море. При-

служивалъ лакей съ необыкновенно строгимъ лицомъ, которое принимало особенно грозное выраженіе въ минуты, когда онъ наливалъ вино. А вокругъ царила свѣтлая сѣверная ночь...

— „Ну?“ ...—спросилъ Лейзенбогъ, чувствуя, что не можетъ долше сдерживать своего нетерпѣнія.

— „Я погибъ... я пропащій человекъ“,—сказалъ Зигурдъ Ользе и растерянно посмотрѣлъ вокругъ.

— „Отчего ты это думаешь?“—беззвучно спросилъ Лейзенбогъ.— „Что могъ-бы я для тебя сдѣлать?“—прибавилъ онъ какъ-то машинально.

— „Немного... Пока еще я не знаю что“...—И онъ окинулъ взоромъ накрытый столъ, перила балкона, садъ и заборъ, море и улицу, и пристально уставился вдаль.

Лейзенбогъ весь внутренно настрожился. Самыя разнообразныя мысли тѣснились въ его головѣ и словно насквозь пронизывали всего, заставляя содрогаться. Но что же могло слу-

читься?.. Клара умерла?.. Зигурдъ убилъ ее?.. Утопилъ?.. Или его самого нѣтъ въ живыхъ?.. Такъ нѣтъ-же, онъ здѣсь, передъ нимъ... Но почему онъ такъ медлитъ?.. И вдругъ, весь охваченный безумнымъ, чудовищнымъ ужасомъ Лейзенбогъ громко вскрикнулъ: „Гдѣ Клара“?.. Пѣвецъ подошелъ къ нему тихо и медленно. Его нѣсколько полное лицо озарилось какимъ-то внутреннимъ блескомъ, похожимъ на улыбку, если то была улыбка, а не свѣтъ луны, падавшій прямо въ лицо. И въ эту минуту Лейзенбогу показалось, что сидѣвшій передъ нимъ человѣкъ съ непонятнымъ, и страннымъ взоромъ, съ руками, заложенными въ карманы брюкъ и вытянутыми подъ столомъ ногами, напоминаетъ, какъ никто и ничто въ мірѣ, Пьеро. Зеленый пледъ висѣлъ на перилахъ и въ эту минуту представлялся барону добрымъ старымъ пріятелемъ... Но что у него могло быть общаго съ этимъ смѣшнымъ пледомъ? Ужъ не сонъ-ли это?.. Онъ

въ Мольде... Какъ странно!.. Будь онъ тогда поблагоразумнѣй, онъ непременно телеграфироваль-бы изъ Аикса въ отвѣтъ: „Въ чемъ дѣло? Что тебѣ отъ меня нужно, Пьеро“? И вдругъ опять онъ повторилъ свой вопросъ, только нѣсколько мягче и тише: „гдѣ Клара“?..

Пѣвецъ покачалъ головой. „Вотъ о ней-то и идетъ дѣло... Скажи, другъ-ли ты мнѣ“?..

Лейзенбогъ кивнулъ въ отвѣтъ. Онъ почувствовалъ легкую дрожь, вѣроятно отъ вѣтра долетавшаго съ моря.

— „Ну, я твой другъ... Чего ты отъ меня хочешь“?..

— „Ты помнишь тотъ вечеръ, когда мы разставались, съ тобой? Когда мы ужинали вмѣстѣ въ Бристолѣ и ты провожалъ меня на вокзалъ“?

Лейзенбогъ кивнулъ опять.

— „Ты, конечно, и не подозрѣвалъ, что въ одномъ поѣздѣ со мною уѣзжала и Клара Гелль“?..

Голова Лейзенбога тяжело опустилась на грудь.

— „Я такъ-же этого мало, какъ и ты, ожидалъ“, — продолжалъ Зигурдъ. — „Вдругъ на слѣдующій день утромъ въ залѣ у буфета я увидѣлъ Клару. Она сидѣла за столикомъ съ Фанни Рингейзеръ и пила кофе. Тогдашнее ея поведеніе убѣдило меня въ томъ, что этой встрѣчѣ я былъ обязанъ одной лишь случайности. Но это была не случайность“...

— „А дальше“, — сказалъ баронъ, взглянувъ на зеленый пледъ, слегка шевелившійся отъ вѣтра.

— „Вѣдь потомъ она сама мнѣ сказала, что это была не случайность... И съ этого утра мы стали всегда вмѣстѣ: Клара, Фанни и я... Мы вышли изъ вагона у одного изъ вашихъ восхитительныхъ маленькихъ австрійскихъ озеръ, и поселились въ прелестномъ домикѣ, среди воды и лѣса, далеко отъ людей... Мы были очень довольны и счастливы...“

Пѣвецъ говорилъ такъ медленно, что Лейзенбогу казалось, что онъ не выдержитъ и сойдетъ съ ума.

— „Къ чему онъ меня сюда пригласилъ“?—думаль баронъ.— „Что ему отъ меня нужно?... Неужели Клара ему обо всемъ рассказала?.. Что съ нимъ?.. Почему онъ на меня такъ пристально смотритъ? И зачѣмъ это я сижу здѣсь, въ Мольде, на верандѣ съ Пьеро?... Когда же кончится этотъ долгій сонъ? Быть можетъ, я въ объятяхъ Клары?.. Быть можетъ, та „первая“ ночь все еще длится“?..—И онъ сталь напряженно разсматривать окружающую обстановку.

— „Ты мнѣ не будешь мстить“?—спросилъ неожиданно Зигурдъ.

— „Мстить?.. Но за что?... Что случилось“?... —спросилъ Лейзенбогъ, которому его собственныя слова казались долетавшими откуда-то издали.

— „За то, что она меня въ конецъ погубила, и я теперь пропащій человекъ“...

— „Но расскажи мнѣ все, наконецъ“,—сказаль Лейзенбогъ твердо и сухо.

— „И Фанни Рингейзеръ была съ нами“, — продолжалъ Зигурдъ. „Вѣдь правда, она хорошая дѣвушка“?..

— „Да, она добрая дѣвушка“, — сказалъ Лейзенбогъ и въ ту-жъ минуту живо представилъ себѣ полутемную комнату съ синей бархатной мебелью и репсовыми драпировками на окнахъ, комнату, гдѣ нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ онъ разговаривалъ съ ея матерью.

— „Она довольно таки недалекая дѣвушка, вѣдь правда“?

— „Можетъ быть“, — отвѣчалъ Лейзенбогъ.

— „А я знаю, навѣрное“, — сказалъ Зигурдъ. — „Она и не подозрѣвала, какъ мы счастливы были вдвоемъ“... — И онъ смолкъ.

— „А дальше“, — сказалъ Лейзенбогъ, въ ожиданіи.

— „Какъ-то утромъ Клара еще спала“, — началъ снова Зигурдъ свой рассказъ. — „Она всегда долго спала по утрамъ. А я гулялъ по лѣсу... Вдругъ подлетаетъ ко мнѣ Фанни...“

„Бѣгите, господинь Ользе, пока не поздно... Уѣзжайте, потому-что вамъ опасность грозитъ“!.. И какъ это ни было странно, Фанни сначала ни въ какомъ случаѣ не хотѣла ничего говорить.. Но я сталъ настаивать и узналъ, наконецъ, что за опасность, мнѣ угрожала. Ахъ, она думала, что меня еще можно спасти, иначе она мнѣ ничего-бъ не сказала“!

Зеленый пледъ на перилахъ развѣвался, какъ парусъ, а лампа на столѣ горѣла неровнымъ и трепетнымъ свѣтомъ.

— „Ты помнишь тотъ вечеръ, когда мы собрались всѣ у Клары? Утромъ въ этотъ день Клара ѣздила съ Фанни на кладбище и на могилѣ князя открыла подругѣ страшную тайну“ ...

— „Страшную“?—барона бросило въ дрожь.

— „Да... Ты вѣдь знаешь, какъ умеръ князь? Онъ упалъ съ лошади и жилъ еще часъ“ ...

— „Я это знаю“ ...

— „При немъ не было никого, кромѣ Клары“...

— „Я знаю“...

— „Онъ никого не желалъ видѣть, кромѣ нея... И вотъ, на смертномъ одрѣ онъ произнесъ заклинаніе“...

— „Заклинаніе“?

— „Да... „Клара“,—сказалъ князь, —„не забывай меня... Я въ могилѣ не буду спокоенъ, если ты меня забудешь“.—„Нѣтъ, я никогда не забуду тебя“,—отвѣтила Клара.—„Ты клянешься мнѣ въ этомъ“?—„Да, я клянусь“...—„Клара, я люблю тебя и долженъ умереть“...

— „Кто говоритъ это“?—воскликнулъ баронъ.

— „Я говорю“,—отвѣчалъ Зигурдъ,—„говорю устами Фанни, а Фанни—Клары, а Клара устами мертваго князя... Развѣ ты не понялъ“?..

Лейзенбогъ весь обратился въ напряженный слухъ. Ему казалось, что онъ слышитъ голосъ покойнаго князя, звучащій въ тишинѣ изъ глубины заколоченнаго гроба...

— „Клара, я люблю тебя и долженъ умереть!.. Ты такъ молода, а я умираю... Я знаю, что на мое мѣсто придетъ другой... О, это будетъ навѣрное!.. Другой, вмѣсто меня, будетъ обнимать тебя и будетъ счастливъ съ тобою... Онъ не долженъ, не смѣетъ!.. Я проклинаяю его!.. Ты слышишь, Клара: я его проклинаяю!.. И первый, кто поцѣлуетъ эти губы, кто обниметъ это тѣло, пойдетъ въ геенну... Клара, небо слышитъ проклятія умирающаго!.. Берегись!.. Пусть-же и тотъ бережется... Вы оба будете въ аду!.. Васъ ждетъ безуміе, страданье и смерть!.. Горе! горе! горе!“!..

Зигурдь, въ устахъ котораго звучалъ голосъ умершаго князя, поднялся съ мѣста и стоялъ высокій и плотный, въ своемъ бѣломъ суконномъ одѣяніи, устремивъ взоръ въ свѣтлую ночную даль. Зеленый пледъ свалился съ периль наружу. Дрожь ужаса охватила барона и сковала всѣ его члены. Онъ хотѣлъ закри-

чать, но голосъ не поддавался: баронъ только могъ открыть ротъ... Въ эту минуту онъ перенесся мыслями въ небольшой залъ преподавательницы пѣнія Эйзенштейнъ, гдѣ онъ увидѣлъ Клару впервые... А на эстрадѣ стоялъ Пьеро и говорилъ, словно произнося монологъ: „Съ этимъ проклятіемъ въ устахъ умеръ князь Беденбрукъ и... Такъ слушай-же: тотъ безумецъ, въ чьихъ объятіяхъ она находилась, и надъ которымъ должно исполниться проклятіе... это я... я“...

Эстрада съ громкимъ трескомъ рухнула и на глазахъ у Лейзенбога погрузилась въ море. А онъ самъ, безшумно, какъ манекень, повалился навзничъ вмѣстѣ со стуломъ.

Зигурдъ вскочилъ и сталъ звать на помощь. Пришли два лакея, подняли безчувственного Лейзенбога и положили въ качалку, стоявшую поодаль отъ стола. Одинъ изъ слугъ побѣждалъ за врачомъ, другой принесъ воду и уксусъ. Зигурдъ растиралъ лобъ и виски барона, но

тотъ совершенно оставался недвижимъ. Наконецъ, явился докторъ и сталъ изслѣдовать больного. Изслѣдованіе длилось не долго: онъ констатировалъ смерть.

Зигурдъ Ользе былъ очень взволнованъ, попросилъ врача сдѣлать нужныя распоряженія и оставилъ балконъ. Пройдя залу, онъ поднялся наверхъ въ свою спальню, зажегъ свѣтъ и поспѣшно набросалъ на бумагѣ слѣдующія слова: „Клара! твоя телеграмма ждала меня въ Мольде, куда я бѣжалъ. Признаюсь, я тебѣ не вѣрилъ, думая, что ты ложью хочешь успокоить меня. Прости, всѣ мои сомнѣнья разсѣяны. Баронъ Лейзенбогъ былъ у меня. Я позвалъ его, но ни о чемъ не спрашивалъ,—вѣдь какъ джентельменъ, онъ, все равно, не сказалъ-бы мнѣ правды. У меня явилась геніальная мысль. Я сообщилъ ему о клятвѣ покойнаго князя. Дѣйствіе получилось паразитическое: баронъ вмѣстѣ съ крес-

ломъ свалился навзничь и тутъ же былъ мертвъ.

Зигурдъ отложилъ въ сторону перо, принялъ серьезный, сосредоточенный видъ и, казалось, раздумывалъ. Потомъ вышелъ на средину комнаты и запѣлъ. Звуки, вначалѣ робкіе и глухіе, лились все свѣжѣе и чище и, полные красоты и силы, громко звучали въ ночной тишинѣ. Потомъ они загремѣли съ удивительной мощью, и казались отзвуками волнъ...

Улыбка успокоенія заиграла на лицѣ Зигурда. Онъ глубоко и облегченно вздохнулъ, потомъ опять подошелъ къ письменному столу и приписалъ къ телеграммѣ: „Дорогая Клара! Прости... Теперь опять все пойдетъ хорошо. Черезъ три дня буду съ тобою...“

Предсказаніе.

I.

Недалеко отъ Боцена, на возвышенности и въ лѣсу находится небольшое помѣстье барона фонъ-Шотенегга, едва видное съ проѣзжей дороги. Съ барономъ меня познакомилъ одинъ мой пріятель докторъ, который живетъ въ Меранѣ лѣтъ уже десять и съ которымъ я тамъ встрѣтился какъ-то осенью. Барону было лѣтъ около пятидесяти, и онъ тяготѣлъ къ искусствамъ, занимаясь ими, какъ дилеттантъ. Немного композиторствовалъ, хорошо игралъ на рояли и скрипкѣ, недурно рисовалъ. Но въ прежнее время онъ больше всего увлекался сценой. Рассказывали, что въ ранней молодости онъ подъ вымышленной фамиліей нѣсколько лѣтъ подвизался въ Германіи на маленькихъ сценахъ. Но потомъ, вѣроятно,

вслѣдствіе упорнаго сопротивленія отца или, быть можетъ, вслѣдствіе недостаточности таланта и успѣха въ этой дѣятельности, баронъ отъ нея отказался и сейчасъ-же поступилъ на государственную службу, вѣрный традиціямъ предковъ. Онъ прослужилъ лѣтъ семнадцать добросовѣстно, но безъ жара и воодушевленія.

Послѣ смерти отца, когда барону уже перевалило за сорокъ, онъ вышелъ въ отставку, и тогда только стало ясно, до какой степени въ немъ была сильна любовь къ театру, эта его юношеская мечта... Отдѣлавъ заново свою виллу на откосѣ Гунтшнаберга, онъ сталъ собирать туда лѣтомъ и осенью все шире и шире разрастающійся кругъ любителей сцены, и ставить, съ его помощью, несложныя по исполненію пьесы или просто живыя картины. Жена барона, происходившая изъ патриархальной тирольской бюргерской семьи, не имѣла врожденнаго тяготѣнія къ искусству, но, будучи не глупой женщи-

ной, не противилась увлеченію супруга, тѣмъ болѣе, что оно не шло въ разрѣзъ съ ея собственными интересами: любовью къ обществу. И хотя общество, собиравшееся въ замкѣ, съ точки зрѣнія строгаго критика, не могло назваться особенно избраннымъ, но даже тѣ изъ гостей, кто по рожденію и воспитанію былъ склоненъ имѣть общественные предразсудки, ничего не высказывали противъ свободной непринужденности баронскаго круга: вѣдь спектакли служили для нея достаточнымъ оправданіемъ, точно такъ-же, какъ и безупречность репутаціи хозяевъ, устранившая всякій намекъ на подозрѣніе въ вольности нравовъ. Между многочисленными посѣтителями замка, которыхъ я ужъ и не припомню теперь, я встрѣчалъ вотъ кого: молодого графа, служившаго въ Инсбрукскомъ полку, офицера егерскаго полка изъ Ривы, капитана генеральнаго штаба съ женою и дочерью, берлинскую опереточную пѣвицу да фабриканта

ликеровъ изъ Боцена съ двумя сыновьями. Потомъ барона Мейдольта, только что вернувшагося изъ кругосвѣтнаго путешествія, бывшаго артиста придворнаго театра, и графиню Сайму, въ то время просто титулованную вдову, а нѣкогда, еще до замужества, выступавшую на сценѣ, въ качествѣ профессиональной актрисы. Графиня была съ дочерью. Встрѣчалъ я тамъ еще и датскаго художника Петерсена.

Въ замкѣ помѣщались лишь немногіе изъ гостей. Иные жили въ самомъ Боценѣ, а иные въ скромной гостиницѣ на шоссе, у поворота дороги въ имѣнье барона. Послѣ полудня обыкновенно весь кружокъ собирался въ замкѣ, гдѣ подъ режиссерствомъ бывшаго придворнаго актера или самого барона, никогда въ спектакляхъ не участвовавшаго, начинались репетиціи, длившіяся до поздняго вечера. Репетиціи шли сначала среди шутокъ и смѣха, а потомъ, по мѣрѣ приближенія дня спектак-

ля, онѣ дѣлались все серьезнѣй и серьезнѣй, при чемъ устраивались всегда въ зависимости отъ мѣста дѣйствія и настроенія: то у опушки лѣса на лугу за садомъ замка, если позволяла, конечно, погода, то въ нижнемъ залѣ съ тремя большими сводчатыми окнами.

Когда я въ первый разъ посѣтилъ барона, у меня не было никакого иного намѣренія, кромѣ желанія провести пріятно день на новомъ мѣстѣ, среди новыхъ людей. Но, какъ это часто случается съ людьми, странствующими безъ цѣли и совершенно свободными да къ тому-же еще начинающими стариться, съ людьми, которыхъ никакія обязанности и привязанности не влекутъ домой, я поддался просьбамъ барона и остался у него еще на нѣкоторое время. Дни проходили за днями и, такимъ образомъ, къ моему собственному удивленію, я прожилъ до глубокой осени въ замкѣ, гдѣ мнѣ въ маленькой башнѣ отвели очень милую ком-

нату съ видомъ на долину. Это мое первое пребываніе въ Гунтшнабергъ навсегда оставило во мнѣ хорошее, свѣтлое воспоминаніе, тѣмъ болѣе, что, несмотря на веселье и шумъ, происходившіе вокругъ меня, я лишь бѣгло общался съ гостями, удѣляя большую часть времени прогулкамъ по лѣсу, размышленіямъ и работѣ. Даже то обстоятельство, что баронъ, изъ любезности ко мнѣ, гостю, предложилъ поставить у себя на сценѣ одну мою пьесу, не нарушало моего безмятежнаго состоянія, потому, вѣроятно, что никто не обращалъ вниманія на автора. Меня привлекала перспектива спектакля на зеленой дерновой лужайкѣ, подъ открытымъ небомъ, такъ какъ это хоть и поздно, но совсѣмъ неожиданно осуществляло скромную мечту моихъ юныхъ дней. Къ концу лѣта оживленіе въ замкѣ обыкновенно утихало, такъ какъ заканчивались мѣсяцы отпуска для многихъ изъ гостей, состоявшихъ въ служ-

бѣ. Лишь изрѣдка наѣзжали знакомые, большею частью, сосѣди бароновъ. И только съ этого времени я вступилъ въ болѣе близкія сношенія съ барономъ и, признаюсь, не безъ пріятнаго удивленія замѣтилъ, что онъ былъ надѣленъ гораздо большей скромностью, чѣмъ всѣ дилеттанты вообще. Онъ не заблуждался насчетъ своихъ спектаклей, находя, что они есть лишь лучшій сортъ салонной любительской игры, и, такъ какъ ему самому въ жизни не удалось всецѣло отдаться любимому искусству — сценѣ, онъ сталъ довольствоваться только отблескомъ его, этого искусства, озарявшимъ невинныя театральныя затѣи замка, радуясь при этомъ тому, что здѣсь не было ни намека на интригу и дразги, неизбѣжно связанныя съ профессиональнымъ театральнымъ дѣломъ.

Какъ-то гуляя со мною, баронъ высказалъ желаніе, чтобъ на его сценѣ, подъ открытымъ небомъ

была поставлена пьеса, специально предназначенная для исполненія среди живой природы. И случайно это его желаніе совпало съ планомъ, который я давно ужъ лелѣялъ въ душѣ, поэтому я обѣщаль барону непременно написать ему такого рода пьесу.

Потомъ вскорѣ я уѣхаль изъ замка.

И въ самомъ началѣ слѣдующей весны я отправилъ барону мою пьесу, вмѣстѣ со словами признательности, которыя диктовали мнѣ пріятныя воспоминанія о минувшей осени, проведенной у него. Скоро пришелъ отвѣтъ отъ барона, благодарившаго за пьесу и радушно приглашавшаго провести у него осень.

Я пробылъ лѣто въ горахъ и въ началѣ сентября, когда наступили прохладные осенніе дни, поѣхаль къ Гардскому озеру, и не подозрѣвая, что оно находится по близости имѣнія фонъ-Шотенеговъ. Мнѣ даже кажется, что въ то время я совершенно

позабылъ и о замкѣ и обо всемъ, что происходило въ немъ. Но вдругъ, восьмого сентября ко мнѣ пришло изъ Вѣны письмо барона, переадресованное сюда. Онъ выражалъ нѣкоторое удивленіе по поводу того, что обо мнѣ ничего не слышно и сообщалъ при этомъ, что девятого сентября состоится постановка моей маленькой пьесы, которую я непременно долженъ пріѣхать посмотреть.

— „Особенно вамъ понравятся дѣти“, — писалъ баронъ. — „Они и сейчасъ, въ свободное отъ репетиціи время, наряженные въ свои хорошенькіе костюмчики, бѣгаютъ по дерновой площадкѣ“.

— „Главная роль,“ — сообщалъ онъ мнѣ дальше, — „перешла, въ силу кое-какихъ соображеній и обстоятельствъ, къ моему племяннику, Францу фонъ-Умпрехту, который, если вы вѣроятно припомните, два раза участвовалъ прошлой осенью въ живыхъ картинахъ. Онъ теперь обнаруживаетъ

выдающіяся драматическія способности“.

Я сейчасъ же двинулся въ путь, былъ къ вечеру въ Боценъ и въ самый день спектакля явился въ замокъ, гдѣ такъ радушно меня встрѣтили баронъ и его жена. Я тамъ нашелъ еще и другихъ старыхъ знакомыхъ: придворнаго актера, графиню Сайму съ дочерью и Франца фонъ-Умпредта съ его красавицей-женой. Была тамъ еще и четырнадцатилѣтняя дочь лѣсника, которая должна была прочитать прологъ къ пьесѣ. Послѣ обѣда въ замкѣ ожидалось большое общество, а вечеромъ на спектаклѣ должны были присутствовать болѣе ста зрителей—не одни только гости бароновъ, но и публика изъ окрестныхъ мѣстъ, потому что и въ этотъ разъ, какъ всегда вообще, доступъ на спектакль былъ для всѣхъ свободный. Кромѣ того, сюда приглашенъ былъ маленькій оркестръ изъ боценскихъ музыкантовъ; специалистовъ и лю-

бителей. Они собирались исполнить во время антрактовъ увертюру Вебера и нѣсколько композицій самого барона.

За обѣдомъ всѣ были очень веселы, и только Умпрехтъ былъ менѣе оживленъ и разговорчивъ. Сначала лицо его мнѣ показалось почти незнакомымъ, и тѣмъ болѣе странно было то, что онъ изрѣдка бросалъ на меня то дружелюбные, то словно пугливые взоры и при этомъ ни разу не заговорилъ со мной. Потомъ выраженіе его лица мнѣ какъ будто становилось все больше и больше знакомо и, наконецъ, я вспомнилъ, что прошлою осенью онъ участвовалъ въ одной изъ живыхъ картинъ. Онъ сидѣлъ облокотившись на столъ передъ шахматами, въ одеждѣ монаха.

Я спросилъ его, не ошибаюсь-ли я. Умпрехтъ точно смутился, когда я заговорилъ съ нимъ. Баронъ отвѣтилъ за него и сталъ сейчасъ-же подшучивать надъ новымъ, неожиданно

открывшимся талантомъ племянника. Тогда послѣдній какъ-то странно, коротко усмѣхнулся и бросилъ на меня бѣглый взглядъ, точно устанавливая между нами обоими какое-то взаимное пониманіе. Этого взгляда я не могъ себѣ уяснить. Потомъ Умпрехтъ сталъ опять стараться не глядѣть въ мою сторону.

II.

Послѣ обѣда я ушелъ къ себѣ въ комнату. Здѣсь въ открытое окошко, какъ и въ прошломъ году, взорамъ моимъ открывалась освѣщенная солнцемъ долина, постепенно расширяющаяся вдаль. На горизонтѣ она становилась такою широкой, что включала въ себя и городъ и поля...

Вскорѣ раздался стукъ въ дверь. Вошелъ Умпрехтъ, остановился на порогѣ и, съ нѣкоторымъ смущеніемъ, сказалъ: — „Простите, если я помѣшалъ вамъ“. И, подойдя ближе, онъ продолжалъ: — „Но если вы удѣлите мнѣ минутъ двадцать и по-

желаете меня выслушать, вы, я увѣренъ, не будете въ претензіи на то, что я къ вамъ зашелъ“.

Я пригласилъ его сѣсть, онъ-же, не обративъ на мои слова вниманія, съ живостью продолжалъ:— „Видите-ли, я совершенно неожиданно для себя оказался вашимъ должникомъ и считаю себя обязаннымъ выразить мою благодарность“.

Такъ-какъ я былъ увѣренъ, что слова Умпрехта относились къ его роли, въ силу чего его учтивость показалась мнѣ преувеличенной, я сталъ пытаться отклонить его благодарность. Но онъ тотчасъ же прервалъ меня:— „Вы не знаете, о чемъ я говорю, и потому вамъ неясно... Пожалуйста, выслушайте“... — Онъ присѣлъ на край подоконника, положилъ ногу на ногу и, желая, по видимому, казаться совершенно спокойнымъ, началъ: — „Я теперь помѣщикъ, какъ вамъ, быть можетъ, извѣстно, но до этого я былъ офицеромъ... на службѣ... Въ то время, т. е.

десять лѣтъ назадъ, -- *сегодня* какъ разъ этому исполнилось ровно десять лѣтъ, — случилось непонятное происшествіе, бросившее мрачный отсвѣтъ на всю мою жизнь съ того момента и до настоящаго... И сегодня, благодаря вамъ, но совершенно помимо вашей воли и участія, это приходитъ къ концу. Между нами существуетъ какая-то странная, таинственная связь, связь, такъ-же мало понятная вамъ, какъ и мнѣ... Но вы должны все-таки знать, что она существуетъ. Мой полкъ стоялъ тогда въ маленькомъ польскомъ мѣстечкѣ, глухомъ и захолустномъ... Не было другихъ развлеченій, кромѣ попоекъ и картъ, служба-же была не тяжелая и мало времени отнимала... Мы не знали, сколько лѣтъ мы тамъ простоимъ, и перспектива прожить еще долго въ такой обстановкѣ не для всѣхъ казалась легко переносимой... Одинъ мой товарищъ, мой лучший другъ, застрѣлился на третій-же мѣсяць. Другой офицеръ, такой милый всег-

да, началъ пить, сдѣлался грубъ, несдержанъ, почти невмѣняемъ и, благодаря какому-то столкновению съ мѣстнымъ адвокатомъ, долженъ былъ выйти изъ полка. А нашъ капитанъ, давно ужъ женатый, сталъ вдругъ не знаю основательно, или неосновательно, до того безумно ревнивъ, что даже выбросилъ жену изъ окошка. Она однако осталась цѣла и невредима, а онъ, бѣднякъ, умеръ въ домѣ умалишенныхъ. Одинъ изъ офицеровъ - юнцовъ, довольно милый, но, правда, и довольно глупый юноша, вообразилъ вдругъ, что прекрасно понимаетъ Канта и Гегеля и сталъ заучивать цѣлыя страницы наизусть, слово въ слово. Что касается до меня, я только дико скучалъ и, лежа иногда днемъ на кровати, ясно и съ ужасомъ чувствовалъ, что вотъ-вотъ сойду съ ума. Казармы наши были расположены за дереушкой, состоящей, приблизительно, дворовъ изъ тридцати. Ближайшій-же городъ, находящійся отъ насъ въ часъ ѣзды,

быль грязенъ и отвратителенъ, — онъ
быль населенъ почти исключительно
евреями. И мы, волей-неволей, долж-
ны были имѣть съ ними дѣло, — пото-
му что и трактирщикъ, и рестораторъ,
и сапожникъ — были евреи. И, разу-
мѣется, мы ихъ оскорбляли на каж-
домъ шагу. Насъ, между прочимъ,
какъ-то особенно злило и еще враж-
дебнѣй противъ нихъ настраивало то,
что въ полку нашемъ служилъ одинъ
принцъ, который, неизвѣстно поче-
му — шутки-ли ради, или, просто, изъ
личной симпатіи къ евреямъ, необык-
новенно вѣжливо отвѣчалъ на всѣ
ихъ поклоны и привѣтствія. Онъ кро-
мѣ того, явно и намѣренно покрови-
тельствовалъ нашему врачу, который
тоже былъ іудейскаго происхожденія.
Я-бы, конечно, сейчасъ не сталъ ка-
саться всѣхъ этихъ подробностей,
если бы эта странность или прихоть
принца, не свела меня съ человѣ-
комъ, которому было суждено уста-
новить эту таинственную, непонят-
ную связь между вами и мной... Че-

ловѣкъ этотъ былъ ни кто иной, какъ фокусникъ, сынъ еврея - кабатчика изъ сосѣдняго городка. Еще мальчикомъ попалъ онъ въ какой-то магазинъ въ Лембергъ, потомъ очутился въ Вѣнѣ и тутъ выучился у кого-то нѣсколькимъ карточнымъ фокусамъ. Научившись еще и другимъ сложнымъ фокусамъ, онъ усовершенствовался въ этомъ искусствѣ настолько, что сталъ ѣздить по городамъ и съ успѣхомъ выступать на разныхъ открытыхъ и кафе-шантан-ныхъ сценахъ. Лѣтомъ онъ обыкновенно пріѣзжалъ на родину, къ роднымъ. Тутъ онъ никогда не выступалъ, и я, случайно увидѣвъ его на улицѣ, обратилъ вниманіе на его странную внѣшность. Это былъ маленькій, бритый и худой человѣчекъ, лѣтъ, приблизительно, тридцати, одѣтый, хоть и далеко не по сезону, но съ видимой претензіей на моду и франтовство: въ длинный черный сюртукъ и нарядный жилетъ, шитый золотомъ. На головѣ былъ цилиндръ, а на носу

при ослѣпительномъ солнечномъ свѣтѣ совсѣмъ темное пенснэ.

Какъ-то мы сидѣли въ казино послѣ ужина у своего длиннаго стола. Человѣкъ насъ было пятнадцать-шестнадцать. Стояла душная ночь, и всѣ окна были настезь. Кое-кто изъ товарищей усѣлся за карты, кое-кто стоялъ у окна и разговаривалъ, иные, молча, курили и пили. Вдругъ вошелъ дежурный капраль и объявилъ о прибытіи фокусника. Сначала мы удивились, но фокусникъ, вошедшій непринужденно и съ достоинствомъ, сказалъ нѣсколько вступительныхъ словъ, по поводу того, что онъ выражаетъ благодарность за оказанную ему честь—приглашеніе въ наше собраніе. Говорилъ онъ съ легкимъ еврейскимъ акцентомъ. Рѣчь его относилась къ принцу, любезно къ нему подошедшему и, конечно, на зло намъ, крѣпко ему пожавшему руку. Еврейчикъ принялъ это, какъ должное, и заявилъ, что сначала онъ покажетъ нѣсколько карточныхъ фо-

кусовъ, а потомъ приступить къ опытамъ по магнетизму и хиромантіи. Не успѣлъ онъ это вымолвить, какъ многіе изъ товарищей, сидѣвшихъ у стѣны въ углу, замѣтили, что всѣ фигуры у нихъ въ колодѣ исчезли, а потомъ вдругъ по знаку фокусника пропавшія карты влетѣли обратно въ окно. И всѣ другіе фокусы, показанные имъ вслѣдъ за этимъ, превосходили по ловкости все, видѣнное мной до того. Но еще болѣе удивительными оказались магнетическіе опыты, произведенные имъ потомъ. Мы не безъ ужаса наблюдали, какъ нашъ юный офицеръ—философъ, усыпленный фокусникомъ, по внушенію послѣдняго, выскочилъ въ открытое окошко, пробрался по совершенно гладкой, штукатуренной стѣнѣ на крышу, быстро обошелъ ее всю у самаго края и потомъ спустился во дворъ. И когда, наконецъ, онъ, сойдя, очутился внизу, нашъ начальникъ сказалъ фокуснику:— „Ну, знаете, если-бъ онъ раз-

билъ себѣ голову, вы-бы не вышли живымъ изъ казармы“... Не забуду никогда его презрительнаго отвѣтнаго взгляда и словъ, обращенныхъ къ полковнику. Онъ почему-то произнесъ ихъ тихо и медленно.— „Не хотите-ли, господинъ командиръ, чтобъ я предсказалъ вамъ, по линіямъ руки, какимъ выйдете вы изъ казармъ, живымъ или мертвымъ?“ — Не знаю, что отвѣтили-бъ ему въ другое время на такую вызывающую фразу и полковникъ и мы, но общее настроеніе было до того возбуждено и приподнято, что никого не удивило, когда начальникъ нашъ протянулъ фокуснику свою руку, слегка передразнивая его акцентъ:— „Ну, читайте“,—сказалъ онъ. Это происходило во дворѣ, гдѣ все еще стоялъ у стѣны усыпленный офицеръ, съ руками, распростертыми, какъ у распятаго на крестѣ. Фокусникъ взялъ руку полковника и принялся внимательно разсматривать линіи.

— „Ну что ты тамъ, еврей, про-

читаль?" — спросилъ одинъ изъ офицеровъ, порядкомъ подвыпившій. Фокусникъ покосился въ сторону и серьезно отвѣтилъ:— „Мое сценическое имя— Марко-Поло“.

Принцъ положилъ еврею на плечо руку и сказалъ:

— „О, у моего пріятеля, Марко-Поло, очень острое зрѣніе“.

— „Ну, что вы тамъ видите?“ — спросилъ полковникъ нѣсколько болѣе вѣжливымъ тономъ.— „Желаете, чтобъ я все вамъ сказалъ?“ — спросилъ Марко-Поло.— „Мы не можемъ васъ насильно заставить,“ — сказалъ принцъ.— „Говорите все!“ — воскликнулъ полковникъ.— „А я предпочелъ бы умолчать,“ — отвѣтилъ Марко-Поло. Полковникъ громко разсмѣялся.— „Ну, ну, говорите!.. Не такъ ужъ это и страшно... А если и страшно, то вѣдь это совсѣмъ не значитъ, что должно быть непременно вѣрно“ ... — „Да, это страшно“, — сказалъ фокусникъ,— „и притомъ еще вѣрно“.— Всѣ смолкли.— „Ну и что-же?“ — спро-

силъ полковникъ. — „Вамъ не придется больше испытывать холодъ, господинъ командиръ“, — отвѣтилъ Марко-Поло.

— „Почему?“ — воскликнулъ полковникъ: — „развѣ полкъ нашъ переведутъ въ Риву?“ — „Я не знаю ничего про полкъ, господинъ командиръ, но вижу только, что къ осени, вамъ ужъ не жить“. — Полковникъ разсмѣялся, но всѣ молчали.

Увѣряю васъ, что намъ всѣмъ въ эту минуту казалось, будто передъ нами стоитъ человекъ, безнадежно приговоренный къ смерти. Потомъ кто-то изъ насъ, очевидно, намѣренно, громко расхохотался, примѣру его послѣдовали другіе, и мы шумно и весело вернулись въ казино. — „Ну что-жъ, господа“, сказалъ полковникъ — „моя судьба ужъ извѣстна, а вотъ не захочетъ-ли кто изъ васъ узнать свою?..“ — Одинъ шутливо воскликнулъ: — „О, нѣтъ мы не хотимъ ничего узнавать“ ... Другой заявилъ, что во имя религіозныхъ убѣжденій

слѣдуетъ протестовать противъ подобныхъ предсказаній, а третій, совсѣмъ еще молодой офицеръ нашелъ, что такихъ людей, какъ Марко-Поло, слѣдуетъ на всю жизнь сажать въ тюрьму. Принцъ-же съ однимъ изъ старшихъ офицеровъ стоялъ въ углу и курилъ. До меня долетѣла его фраза:— „Какъ много чудеснаго на свѣтѣ!..“ — Я подошелъ къ Марко-Поло, который, тѣмъ временемъ, собирался ужъ идти и тихонько ему шепнулъ:— „Погадайте и мнѣ“... — Онъ, словно машинально, взялъ мою руку, посмотрѣлъ и сказалъ:— „Тутъ совсѣмъ плохо видно“.— И дѣйствительно, я замѣтилъ, что горѣвшія лампы вдругъ потускнѣли и замигали, а линіи руки моей словно запрыгали и стали дрожать.— „Пойдемте во дворъ, господинъ офицеръ, — я предпочитаю свѣтъ лунный“.— И держа меня за руку, онъ сквозь раскрытую дверь вышелъ со мною на воздухъ.

Вдругъ мной овладѣло боязливое

и странное чувство.— „Нѣтъ, послушайте, Марко-Поло“,—сказаль я:— „если вы только такъ умѣете пророчить, какъ напорочили полковнику, тогда лучше не нужно,—я отказываюсь“ ...—Фокусникъ съ улыбкой опустилъ мою руку.— „Господинъ офицеръ, кажется, изволиль испугаться?“— Я быстро обернулся, чтобъ видѣть, не слышитъ-ли кто-нибудь насъ. Мы быстро вышли изъ воротъ казармы и очутились на дорогѣ, ведшей къ городу.— „Видите-ли, я хочу знать что-нибудь болѣе опредѣленное“,—сказаль я.— „Слова же толкуются на разные лады“.— Марко-Поло на меня внимательно посмотрѣль.— „Что-же вы, собственно, желаете, господинъ офицеръ?.. Можетъ быть, желаете видѣть портретъ вашей будущей супруги?“— „А вы-бъ могли показать?“— Марко-Поло сдѣлаль этотъ характерный жестъ плечами.— „Отчего-жъ?.. Это можно!..“— „Нѣтъ, не нужно“,—прерваль его я.— „Я вотъ хотѣль-бы, напри-

мѣрь, знать, что со мной будетъ лѣтъ черезъ десять“... Марко-Поло покачалъ головой.—„Ну, я это не знаю... А вотъ нѣчто другое я, пожалуй, смогъ-бы показать...“ — „А что?“—спросилъ я.—„Ну вотъ хотя-бы какой-нибудь отдѣльный моментъ изъ вашей будущей жизни, господинъ офицеръ,—это я показалъ-бы вамъ, какъ въ картинѣ“...—Сначала я не совсѣмъ понялъ фокусника.— „Что вы разумѣете подъ этимъ?“— „А вотъ что. Я могу сейчасъ и тутъ-же на мѣстѣ показать вамъ какой-нибудь моментъ изъ вашего будущаго...“ — „То-есть какъ?“— „Вы господинъ офицеръ, должны мнѣ только сказать, какой именно моментъ вы желаете...“—Я хоть и не особенно ясно его понималъ, но заинтересовался ужасно.— „Хорошо“, — сказалъ я:— „если вы въ силахъ это сдѣлать, то покажите, что будетъ со мной ровно черезъ десять лѣтъ, минута въ минуту. Вы меня поняли Марко-Поло?“ — „Ну, конечно, гос-

подинъ офицеръ“, — отвѣтилъ Марко-Поло и пристально взглянулъ на меня. И вдругъ у меня на глазахъ онъ исчезъ. Исчезла и казарма, мгновенно назадъ сверкавшая въ лучахъ мѣсяца, исчезли и бѣдные хижины, разбросанныя по долинѣ и тоже озаренныя луной... Исчезло все, и я себя увидѣлъ такимъ, какимъ вотъ иногда видишь во снѣ... Лѣтъ на десять старше, съ окладистой каштановой бородой, со шрамомъ на лбу на носилкахъ средь луга... На колѣняхъ около меня стояла прелестная женщина съ золотисто рыжими волосами, закрывъ руками лицо. Съ нею рядомъ было двое дѣтей — мальчикъ и дѣвочка, за лугомъ виднѣлся лѣсъ... темный лѣсъ, а тутъ-же по близости стояли два человѣка... охотники съ факелами въ рукахъ... Вы поражены?.. Вѣдь правда вы поражены“?

И, дѣйствительно, я былъ крайне изумленъ услышаннымъ, потому что то, что мнѣ сейчасъ изобразилъ Ум-

прехтъ, совпадало вполне съ заключительной картиной моей пьесы, въ которой онъ долженъ былъ исполнять роль умирающаго героя. Пьеса заканчивалась ровно въ десять часовъ. — „Вы сомнѣваетесь“, — продолжалъ Умпрехтъ, — „но я ничуть не обижаюсь, потому что вашимъ сомнѣніямъ сейчасъ наступить конецъ“.

Умпрехтъ быстро засунулъ руку въ карманъ сюртука и вынулъ оттуда запечатанное письмо. — „Пожалуйста, прочтите, что написано на конвертѣ“... — Я прочиталъ вслухъ: — „Запечатано нотаріальнымъ порядкомъ 4-го января 1859 года. Распечатать 9-го сентября года 1868-го“. — Внизу стояла подпись, лично хорошо мнѣ знакомаго вѣнскаго нотаріуса, доктора Артинера.

— „Это и есть именно сегодняшній день“, — сказалъ Умпрехтъ. — „Сегодня какъ разъ прошло ровно десять лѣтъ со дня таинственнаго предсказанія Марко-Поло, предсказанія, которое разрѣшается, хоть и не разъ-

ясняется, вотъ какимъ образомъ. Изъ года въ годъ, словно какая-то странная, капризная судьба тѣшилась надо мной, и возможность осуществленія этого пророчества какъ-то неуловимо и непонятно колебалась, превращаясь то въ грозную дѣйствительность, то будто совсѣмъ исчезая и разсѣиваясь. Затѣмъ опять являлась на сцену неумолимая и неотвратимая правда, потомъ она снова ступавалась, потомъ опять возвращалась и дѣлала свое дѣло... Позвольте, однако, досказать мой рассказъ. Самое видѣнїе, вѣроятно, длилось не болѣе секунды, потому-что, какъ только оно кончилось, я опять услышалъ громкій смѣхъ кого-то изъ офицеровъ, смѣхъ, который за минуту до видѣнїя рѣзко звучалъ у меня въ ушахъ. И снова я увидѣлъ передъ собой Марко-Поло, почему то улыбавагося, но, какъ именно, не могу сказать,—была-ли то грустная улыбка или насмѣшливая, я не понялъ. Онъ снялъ свой цилиндръ

и сказалъ:— „Ну, прощайте, господинъ офицеръ, надѣюсь, вы мной остались довольны“ ...—И, повернувшись, зашагалъ по дорогѣ къ городу. Между прочимъ, я узналъ потомъ, что на слѣдующій день онъ уѣхалъ въ свое обычное странствіе.

Первая моя мысль, когда я возвращался въ казарму, была та, что фокусникъ, вѣроятно, съ помощью какого-нибудь своего скрытаго помощника и при посредствѣ зеркалъ, устроилъ оптическую иллюзію видѣнія. Войдя во дворъ я съ ужасомъ замѣтилъ у стѣны, все въ той же распростертой позѣ, усыпленнаго офицера. Очевидно, о немъ позабыли. До меня доносились изъ казармы возбужденные голоса спорившихъ. Я схватилъ товарища за руку. Онъ сейчасъ-же проснулся, не выразилъ ни малѣйшаго удивленія по поводу своего сна и только никакъ не могъ понять, почему это всѣ офицеры такъ взволнованы и возбуждены. А я самъ чуть не съ яростью,

вмѣшался въ ихъ горячій, но довольно пустой разговоръ о необъяснимости того, что у насъ на глазахъ случилось и разсуждалъ по этому вопросу, вѣроятно, не умнѣе всѣхъ прочихъ. Вдругъ полковникъ воскликнулъ: „Ну, господа, я держу пари, что доживу и до будущей весны. Одинъ противъ сорока пяти! Хотите?“—обратился онъ къ одному изъ торарищей, большому картежнику и любителю всякихъ пари. Но однако пари не состоялось. Несмотря на то, что искушеніе для офицера это было не малое, онъ все-же счелъ не совсѣмъ удобнымъ держать пари на смерть полковника съ нимъ-же самимъ и въ отвѣтъ только молчалъ и улыбался. Потомъ, должно быть, онъ самъ объ этомъ не разъ пожалѣлъ, потому что, спустя какія-нибудь двѣ лишь недѣли, на второе утро генеральныхъ маневровъ, начальникъ нашъ упалъ съ лошади и умеръ на мѣстѣ. И при этомъ всѣ мы замѣтили, что смертью этой мы

какъ-то не были особенно удивлены а, наоборотъ, встрѣтили ее, какъ нѣчто ожиданное. Я-же лично началъ съ тѣхъ поръ не безъ тревоги останавливаться мыслью на томъ ночномъ пророчествѣ или видѣніи, про которое я почему-то пока еще никому не сказалъ. И вотъ, кажется на Рождествѣ, передъ отъѣздомъ въ отпускъ, въ Вѣну, я передалъ объ этомъ одному товарищу, нѣкому Фридриху фонъ-Гулянту. Быть можетъ, вы о немъ слышали,—онъ писалъ такіе красивые стихи и умеръ совсѣмъ молодымъ. Вотъ съ нимъ вмѣстѣ мы и составили планъ, который вы сейчасъ найдете въ этомъ конвертѣ. Гулянтъ находилъ, что подобныя явленія не должны пропадать для науки, все равно, если даже предсказаніе и оказалось-бы ложнымъ. Съ нимъ-же вмѣстѣ я былъ и у нотариуса Артинера, на глазахъ у котораго планъ этотъ мы вложили въ конвертъ. Все время конвертъ хранился у нотариуса и только вчера, по

моей просьбѣ, онъ былъ мнѣ при-
сланъ сюда. Долженъ сознаться, что
серьезность, съ которой отнесся Гу-
лянтъ ко всему этому происшествію,
меня немного разстроила, но потомъ,
благодаря тому, что я его уже боль-
ше не видѣлъ, такъ какъ онъ вскорѣ
послѣ этого умеръ, вся эта исторія
стала мнѣ казаться будто даже смѣш-
ной. Во-первыхъ, мнѣ стало ясно, что
вся моя судьба, все мое будущее все-
цѣло въ моихъ собственныхъ рукахъ,
и поэтому ничто въ мірѣ не могло
меня заставить 9-го сентября 1868 го-
да оказаться съ окладистой каштано-
вой бородой и лечь на носилки въ
десять часовъ вечера. Теперь оста-
валось только избѣгать лѣса и луга,
не жениться на рыжей женщинѣ и
не имѣть дѣтей. И лишь единствен-
но чего мнѣ трудно было избѣгнуть,
это какой-нибудь несчастной случай-
ности или дуэли, отъ которой у меня
могъ появиться на лбу шрамъ. Итакъ,
я немного успокоился. Спустя годъ
послѣ предсказанія, я женился на

моей теперешней женѣ и вскорѣ, выйдя въ отставку, занялся сельскимъ хозяйствомъ. Я сталъ присматривать себѣ имѣніе для покупки и, какъ это ни смѣшно, старался выбрать такое, въ которомъ-бы не было луга, похожаго на тотъ, что я видѣлъ тогда... во снѣ. Такъ для своего успокоенія я называлъ мое странное видѣніе. Я совсѣмъ было ужъ рѣшилъ купить одно мнѣ приглянувшееся имѣніе, какъ вдругъ жена получила въ наслѣдство помѣстье въ Каринтіи съ прекраснымъ охотничьимъ паркомъ. При первомъ осмотрѣ новыхъ владѣній, я вдругъ натолкнулся на лугъ, слегка покатый и окруженный лѣсомъ. Онъ показался мнѣ похожимъ на мѣстность, которой мнѣ, по моимъ соображеніямъ, слѣдовало избѣгать.

Это немного меня испугало. Женѣ своей я, однако, ничего не сказалъ о пророчествѣ, потому что она настолько суевѣрна, что, пожалуй, я своимъ признаніемъ отра-

виль-бы ей жизнь вплоть „до сегодняшняго дня“, — прибавиль онъ съ улыбкой облегченія. — Такимъ образомъ, я не могъ съ ней подѣлиться моими опасеніями и старался самъ себя успокоить, рѣшивъ, что ничто не можетъ заставить меня очутиться у себя въ имѣніи въ сентябрѣ 1868 года.

Въ 1860 году у меня родился сынъ. И ужъ съ первыхъ его лѣтъ я сталъ находить сходство съ мальчикомъ, мнѣ явившимся въ томъ видѣніи. Иногда это сходство, будто исчезало, потомъ опять выступало яснѣе, и теперь вотъ я увѣренъ, что мальчикъ, который сегодня въ десять часовъ вечера будетъ стоять у моихъ насилоекъ, будетъ точь въ точь походить на того... изъ видѣнія. А вотъ дочери у меня нѣтъ. Но три года назадъ умерла въ Америкѣ сестра жены, вдова, и оставила маленькую дочку. По просьбѣ жены, я поѣхаль въ Америку, взялъ дѣвочку и привезъ ее, чтобъ поселить въ домѣ у

нась. При первомъ на нее взглядѣ я сразу замѣтилъ, что она очень похожа на дѣвочку, явившуюся въ видѣніи. У меня даже мелькнула мысль оставить ребенка гдѣ-нибудь вдали, въ чужой семьѣ. Но я, конечно, постарался сейчасъ-же заглушить въ себѣ это не совсѣмъ не благородное душевное движеніе, и мы взяли дѣвочку къ себѣ.

И, несмотря на все увеличивающееся сходство обоихъ дѣтей съ дѣтьми пророческаго видѣнія, я успокаивалъ себя тѣмъ, что меня, быть можетъ, обманываетъ память, не сохранившая точнаго воспоминанія. Благодаря этому, я нѣкоторое время пользовался полнымъ душевнымъ спокойствіемъ и даже какъ будто почти позабылъ о томъ странномъ вечерѣ въ польскомъ захолустѣ, какъ вдругъ ровно два года назадъ я получилъ отъ судьбы новое предостереженіе, предостереженіе, которое меня опять порядочно-таки потрясло. Мѣсяца на два я долженъ былъ от-

лучиться по дѣламъ и когда вернулся домой, ко мнѣ навстрѣчу вышла жена съ совершенно рыжими волосами, и особенно разительнымъ мнѣ показалось сходство съ той женщиной, когда я только издали ее увидѣлъ и не могъ еще, какъ слѣдуетъ, разглядѣть лица. Подъ видомъ гнѣва я хотѣлъ скрыть свой испугъ. Помню, что я даже нарочно преувеличилъ гнѣвъ этотъ, желая заглушить боль, причиненную безумнымъ, мелькнувшимъ у меня планомъ: уѣхать совсѣмъ отъ жены и дѣтей и, такимъ образомъ, избѣжать грозящей опасности, словомъ одурачить судьбу. Жена стала плакать, убиваться, молить о прощеніи и объяснила причину затѣи. Оказалось, что годъ назадъ, когда мы были вмѣстѣ на выставкѣ въ Мюнхенѣ, и я пришелъ въ восторгъ отъ портрета одной рыжеволосой красавицы, жена моя тогда-же рѣшила выкрасить, при первой возможности, свои волосы въ рыжій цвѣтъ. Я сталъ конечно умо-

лять ее возстановить, какъ можно скорѣй, ея прежній темный цвѣтъ и, когда потомъ она это сдѣлала, я будто опять успокоился. Мнѣ стало снова казаться, что судьба, по-прежнему, въ моихъ рукахъ. И, дѣйствительно, все случившееся до сихъ поръ имѣло пока самое простое и естественное разъясненіе. Вѣдь у многихъ-же людей есть помѣстья съ лугами и лѣсомъ, точно такъ-же какъ и дѣти, которыя были и у меня, и единственно, что могло-бы пожалуй, испугать суевѣрнаго и мнительнаго человѣка, это предсказаніе шрама, но до зимы этого года онъ еще не появлялся на моемъ лбу. А теперь вотъ видите здѣсь? Я вообще не трусь: признаюсь вамъ, что я дважды дрался на дуэли, когда былъ еще офицеромъ, и дрался при очень тяжелыхъ и опасныхъ условіяхъ, потомъ лѣтъ восемь назадъ, вскорѣ послѣ женитьбы, когда уже вышелъ въ отставку... Но въ прошломъ году одинъ господинъ по со-

всѣмъ ничтожному поводу, кажется, изъ-за какого-то недостаточно любезнаго поклона, сталъ требовать отъ меня объясненій, и я... я предпочелъ передъ нимъ извиниться... При этихъ словахъ Умпрехтъ слегка покраснѣлъ. Дѣло, конечно, уладилось вполне просто, не задѣвъ моей чести, но я все-же знаю навѣрное, что въ другое время я всегда предпочелъ бы дуэль, а теперь—испытывалъ только безумный ужасъ передъ возможностью быть раненымъ противникомъ въ лобъ, и, дать этимъ судьбѣ еще лишній козырь въ руки. Но, увы, какъ видите, и это не помогло: у меня все-таки шрамъ на лбу. И въ ту минуту, когда это случилось я особенно глубоко, глубже, чѣмъ во всѣ эти десять лѣтъ, созналъ и почувствовалъ всю свою беспомощность передъ неумолимостью рока. Это было нынѣшней зимой, такъ подъ вечеръ... Я проѣзжалъ по желѣзной дорогѣ разстояніе между Клагенфуртомъ и Вилахомъ и находился въ

вагонѣ съ нѣсколькими совершенно незнакомыми людьми. Вдругъ зазвенѣли и задрезжали стекла, и я почувствовалъ боль во лбу. Одновременно съ этимъ раздался стукъ отъ паденія какой-то тяжести на полъ. Я схватился за лобъ, — онъ весь былъ въ крови. Я быстро наклонился и поднялъ съ пола острый-преострый камень. Перепуганные пассажиры въ купѣ повскакивали съ мѣстъ. — „Что случилось?“ — спрашиваетъ кто-то. Увидѣвъ на моемъ лицѣ кровь, всѣ начали вокругъ меня суетиться. Только, помню, одинъ — живо представляю его себѣ и сейчасъ — сидитъ неподвижно, откинувшись на спинку дивана. На слѣдующей станціи принесли воду, желѣзнодорожный врачъ сдѣлалъ мнѣ перевязку, и меня конечно, ужъ не страшила возможность смерти: я зналъ, что рана заживетъ, но что останется шрамъ. Въ вагонѣ завязывается разговоръ, общій разговоръ о томъ, намѣренное-ли это покушеніе или просто глупое озорство.

Сидѣвшій въ углу господинъ, молчаливо смотритъ въ пространство. Въ Вилахъ я выхожу. Вдругъ за минуту передъ этимъ господинъ тотъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ:— „А вѣдь камень былъ пущенъ въ меня“... И прежде, чѣмъ я успѣваю оглядѣться, онъ поворачивается и исчезаетъ. Такъ я и остался навсегда въ неизвѣстности, кто онъ такой. Быть можетъ, это былъ сумасшедшій, страдавшій маніей преслѣдованія... Быть можетъ, человѣкъ, имѣвшій основаніе думать, что его преслѣдуетъ какой-нибудь оскорбленный мужъ или братъ... Не знаю, что именно тутъ было, но вѣрно только одно: я спасъ его тѣмъ, что лично мнѣ суждено было имѣть шрамъ во лбу... И спустя какія-нибудь двѣ-три недѣли онъ красовался у меня вотъ здѣсь, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ я видѣлъ его тогда, въ видѣніи. Мнѣ становилось все яснѣй и яснѣй, что я вступилъ въ борьбу съ какой-то невѣдомой и враждебной силой, въ

неравную борьбу и съ возрастающей тревогой ждалъ дня, когда исполнит-ся, наконецъ, послѣдняя часть предсказанія. Весной мы получили отъ дяди приглашеніе пріѣхать сюда. Мнѣ ужасно не хотѣлось ѣхать, потому что, несмотря на то, что въ памяти отъ видѣнія не сохранилось ничего опредѣленнаго, я все-же боялся, что въ имѣніи дяди можетъ оказаться то проклятое, заколдованное мѣсто... Жена моя, конечно, не могла понять причину моего нежеланія ѣхать, и вотъ я только въ началѣ іюля рѣшилъ пріѣхать сюда вмѣстѣ съ ней и дѣтьми съ твердымъ намѣреніемъ, какъ можно скорѣе, отсюда отпра-виться на югъ въ Венецію или въ Лидо. Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда за-шелъ разговоръ о вашей пьесѣ. Дядя сказалъ, что въ ней есть двѣ маленькія дѣтскія роли и попросилъ меня позволить играть ихъ моимъ дѣтямъ. Я согласился. Тогда-же было рѣшено, что роль героя возьметъ на себя про-фессіональный актеръ. Вдругъ черезъ

нѣсколько дней мной овладѣлъ страхъ, что я опасно заболѣю и не въ состояніи буду уѣхать во время. Поэтому, я объявилъ на другой-же день, что на нѣкоторое время уѣзжаю на морскія купанья и при этомъ обѣщаль, согласно дядиной просьбѣ, что къ началу сентября непременно вернусь. Въ тотъ-же день, неожиданно было получено письмо отъ актера, отказывавшагося отъ своей роли, подъ какимъ-то незначительнымъ предлогомъ. Дядя мой страшно вспылилъ, потомъ попросилъ меня прочесть пьесу и посоветовать ему, кому-бы изъ знакомыхъ предложить эту роль. Я взялъ пьесу и уйдя къ себѣ, прочиталъ ее. Вы представьте себѣ, что я долженъ былъ испытать, когда дошелъ до мѣста, гдѣ увидѣлъ дословное изображеніе того, что было предсказано мнѣ на 9-ое сентября настоящаго года. Еле дождавшись утра, поспѣшилъ я къ дядѣ, чтобъ сказать ему, что роль эту я самъ берусь исполнить, и, помню, ужас-

но боялся его отказа. Но дядя мой тутъ-же согласился, и съ этого момента все, повидимому, приняло хорошей оборотъ. Мы приступили къ ежедневнымъ и тщательнымъ репетиціямъ, такъ что сцену ту я повторилъ уже разъ двадцать-пятнадцать. Я лежу на носилкахъ, а молодая графиня Сайма стоитъ предо мной на колѣняхъ, закрывъ руками лицо, съ волной своихъ дивныхъ, рыжихъ волосъ. И дѣти стоятъ около...“

Когда Умпрехтъ кончалъ свой рассказъ, взглядъ мой опять остановился на конвертѣ, лежавшемъ на столѣ все еще не распечатаннымъ. Умпрехтъ улыбнулся.— „Ахъ, да... Я еще не представилъ вамъ доказательство“, — сказалъ онъ, разрывая печать. Изъ конверта выпала вчетверо сложенная бумага. Умпрехтъ развернулъ ее и положилъ на столъ. Передо мной находился необыкновенно точный, словно мной самимъ составленный планъ заключительной сцены пьесы. Задній планъ слегка былъ

намѣченъ и обозначенъ подписью „лѣсъ“. Приблизительно на срединѣ плана была схематично изображена мужская фигура и черта съ надписью „носилки“... Подъ другими, тоже бѣгло намѣченными фигурами, было подписано мелкими буквами краснымъ черниломъ: „рыжая женщина“, „мальчикъ“, „дѣвочка“, „люди съ факелами“, „человѣкъ съ поднятыми руками“. Я обернулся къ Умпрехту и спросилъ: „Что значить человѣкъ съ поднятыми руками?“

— „Ахъ, о немъ я почти позабылъ“, — какъ-то нерѣшительно отвѣтилъ онъ. Вотъ что означаетъ эта фигура. Въ видѣніи моемъ былъ еще ярко освѣщенный факелами человѣкъ, совершенно лысый и бритый, въ очкахъ, съ темно-зеленымъ шарфомъ на шеѣ, съ высоко поднятыми руками, съ широко раскрытыми глазами“.

Въ этотъ моментъ я былъ, дѣйствительно, пораженъ.

Съ минуту мы помолчали, потомъ

я съ тревогой спросилъ: „Что-же вы, собственно, думаете,—кто это долженъ былъ быть?“

— „Я думаю“,—спокойно отвѣтилъ Умпрехтъ,—это, вѣроятно, кто нибудь изъ зрителей или слугъ, а то изъ крестьянъ... Онъ начнетъ волноваться въ послѣднемъ дѣйстви и даже будетъ готовъ броситься на сцену. Или, быть можетъ, по странному капризу судьбы, капризу, который меня теперь ужъ ей Богу даже и не удивить, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я буду лежать на носилкахъ, около меня на сценѣ очутится сумасшедшій, вырвавшійся положимъ, изъ больницы...

Я покачалъ головой.

— Что вы сказали?.. Лысый?.. Очки?.. На шеѣ зеленый шарфъ?.. Теперь это все мнѣ кажется даже еще болѣе страннымъ, чѣмъ прежде... Вѣдь человекъ, котораго вы видѣли въ вашемъ снѣ, есть дѣйствительно, фигура или лицо, которое я вначалѣ хотѣлъ вывести въ пьесѣ, но потомъ

раздумаль и выбросиль... Это долженъ былъ быть сумасшедшій отецъ жены... о немъ идетъ рѣчь въ первомъ дѣйстви, и я предполагаль сдѣлать такъ, чтобъ онъ въ послѣднемъ актѣ неожиданно вбѣжалъ бы на сцену“ ...

— „Ну а шарфъ и очки“?

— „Это вѣдь личное дѣло актера, который могъ ихъ надѣть или не надѣть... Вѣдь правда“?

— „Конечно“ ...

Разговоръ нашъ прервали. Жена Умпрехта прислала за мужемъ, съ которымъ до представленія, вѣроятно, хотѣла поговорить. Онъ ушелъ, а я провелъ еще нѣсколько минутъ въ тщательномъ разсматриваніи плана, оставленнаго Умпрехтомъ у меня на столѣ.

III.

Скоро меня потянуло на мѣсто, гдѣ должно было произойти представленіе. Оно находилось за замкомъ и отдѣлялось отъ него красивымъ

паркомъ. Тамъ, гдѣ послѣдній заканчивался низкой изгородью, было поставлено десять рядовъ длинныхъ деревянныхъ скамей. Первые ряды были покрыты темно-красными коврами. Тутъ же по близости стояло нѣсколько нотныхъ пюпитровъ и стульевъ, но занавѣсъ отсутствовалъ. Сцена отдѣлялась отъ публики двумя соснами, росшими слѣва и справа. Справа же росъ дикій кустарникъ, ловко скрывавшій кресло суфлера. Влѣво виднѣлось пустое пространство и открывало видъ на долину. Задній планъ сцены составляли большія деревья, густо сдвинутыя къ срединѣ. А съ боковъ, прямо изъ тѣни выбѣгали впередъ капризные, причудливыя дорожки. Дальше, уже въ глубинѣ лѣса, въ небольшой, искусственно сдѣланной просѣкѣ, были размѣщены столъ и стулья для актеровъ, поджидавшихъ своего выхода. Для освѣщенія этой послѣдней по обѣимъ сторонамъ сцены и скамей, въ вышину кулисъ поставили старинные канделябры

БИБЛИОТЕКА⁹⁹

Принадлежитъ магазину

А. Д. Федорова.

съ огромнѣйшими свѣчами. За кустами же справа было устроено воздушное помѣщеніе для бутафорскихъ принадлежностей. Тутъ я замѣтилъ, въ числѣ прочихъ предметовъ, нужныхъ для пьесы, носилки, на которыхъ Умпрехтъ долженъ былъ умирать въ заключительной сценѣ. И когда я шель лугомъ, онъ весь сіялъ въ лучахъ вечерняго солнца. Я, конечно, былъ весь погруженъ въ мысли о томъ, что сейчасъ разскажалъ мнѣ Умпрехтъ. Сначала мнѣ казалось, что онъ просто фантазеръ-мистификаторъ, придумавшій всю эту исторію, только затѣмъ чтобъ, порисоваться и произвести эффектъ. Я допустилъ даже, что подпись нотариуса могла быть поддѣльной и что Умпрехтъ дѣйствуетъ еще при посредствѣ другихъ, чтобъ лучше обставить все это дѣло. Особенно подозрительнымъ казался мнѣ человекъ съ поднятыми къверху руками, съ которымъ Умпрехтъ могъ войти въ соглашеніе. Но всѣ мои сомнѣ-

нія на этотъ счетъ разбивались соображеніемъ, что вначалѣ человѣкъ этотъ входилъ, въ качествѣ дѣйствующаго лица, въ мой рассказъ, а это никому, кромѣ меня, не было извѣстно. Умпрехтъ, къ тому же, производилъ на меня очень хорошее впечатлѣніе, не допускавшее возможности такого обмана. И при всей неправдоподобности и чудовищности его рассказа, мнѣ какъ-то помимо воли, хотѣлось ему вѣрить. Быть можетъ, во мнѣ говорило глупое чувство гордости, благодаря которому пріятно было сознавать себя исполнителемъ какой-то высшей, непонятной для насъ, силы. Тѣмъ временемъ вокругъ уже началось оживленіе,—явились слуги, зажглись свѣчи. Люди изъ окрестностей, иные въ простыхъ крестьянскихъ нарядахъ, медленно поднимались вверхъ по холму и робко выстраивались въ ряды у скамеекъ. Потомъ вскорѣ пришла сама баронесса съ нѣсколькими гостями и заняла съ ними мѣста для зри-

телей. Я присоединился къ пришедшимъ и сталъ бесѣдовать со своими прошлогодними знакомыми. Явился оркестръ и то же занялъ мѣста. Составъ инструментовъ былъ довольно оригинальный: двѣ скрипки, віолончель, альтъ, контрабасъ, флейта и гобой. Они сейчасъ же приступили къ репетированью увертюры Вебера, такъ какъ времени въ ихъ распоряженіи оставалось, повидимому, еще много. Впереди всѣхъ, совсѣмъ у оркестра, стоялъ старый, лысый крестьянинъ, и вокругъ его шея была повязанъ темный платокъ. Быть можетъ, это именно и есть тотъ, думалъ я, который вдругъ, по велѣнію рока, вынетъ изъ кармана очки, надѣнетъ ихъ, сойдетъ съ ума и кинется на сцену. Свѣтъ дневной понемногу погасъ, а зажженные свѣчи колебались своимъ пламенемъ отъ легкаго вѣтра. За курами тоже началось оживленіе: любители прошли скрытыми дорожками прямо къ сценѣ. И, вспомнивъ объ исполнителяхъ, я сообразилъ, что

не видѣлъ изъ нихъ никого, кромѣ Умпрехта, его дѣтей и дочери лѣсника. Слышался голосъ режиссера и смѣхъ молодой графини Саймы. Всѣ мѣста были заняты, и въ одномъ изъ первыхъ рядовъ я увидѣлъ самого барона, разговарившаго съ графиней-матерью. Заигралъ оркестръ, потомъ выступила дочь лѣсника и прочитала прологъ. Пьеса изображала судьбу человѣка, который, будучи охваченъ внезапною страстью къ путешествіямъ и всевозможнымъ приключеніямъ, оставляетъ семью и, пускается въ путь, даже ни съ кѣмъ не простившись. Въ теченіе одного дня онъ переноситъ столько бѣдствій и огорченій, что рѣшается вернуться домой, прежде, чѣмъ жена и дѣти могутъ замѣтить его отсутствіе. Но послѣднее приключеніе, которое случается съ нимъ на возвратномъ пути и совсѣмъ уже чуть не на порогѣ дома, является для него роковымъ:—его смертельно ранять и онъ умираетъ на рукахъ у семьи, для которой смерть его, такъ

же, какъ и внезапное исчезновеніе, является неразрѣшимой загадкой.

Тѣмъ временемъ представленіе началось. Играли хорошо, и, съ удовольствіемъ слѣдя за изображеніемъ простыхъ происшествій, я будто на время даже забылъ о разсказѣ Умпрехта. Послѣ перваго дѣйствія оркестръ заигралъ снова, но, повидимому, его никто и слушать не желалъ, потому что на всѣхъ скамьяхъ шла оживленная бесѣда. Я все время стоялъ въ сторонѣ, невидимый для другихъ, слѣва отъ сцены, тамъ гдѣ дорога спускалась въ долину. Началось второе дѣйствіе. Вѣтеръ усилился, и мерцающее освѣщеніе гармонировало съ настроеніемъ пьесы. По окончаніи его, исполнители опять скрылись въ лѣсъ и снова посылались звуки музыки. Взглядъ мой случайно упалъ на флейтиста: у него было бритое лицо и на носу очки, но при этомъ длинные, сѣдые волосы и отсутствіе темнозеленаго шарфа. Оркестръ смолкъ, и исполнители вы-

шли на сцену. Вдругъ я замѣтилъ, что флейтистъ, положивъ напюпитръ свой инструментъ, вытащилъ изъ кармана большой зеленый шарфъ, сложилъ его вдвое и обмоталъ вокругъ шеи. Я былъ немало изумленъ. Минуту спустя на сцену вышелъ Умпрехтъ, и я видѣлъ, какъ взглядъ его вдругъ остановился на флейтистѣ, на его зеленомъ шарфѣ, замѣтивъ который Умпрехтъ, будто запнулся и оробѣлъ. Потомъ быстро оправился и продолжалъ плавно вести свою роль. Я спросилъ у сидѣвшаго по близости юноши, одѣтаго въ простое рабочеe платье, не знаетъ-ли онъ кто такой флейтистъ. Оказалось, что послѣдній—школьный учитель изъ Кальтерна. Представленіе шло, и ужъ близилось къ концу. Дѣти: и мальчикъ, и дѣвочка, согласно роли, тревожно метались по сценѣ, шумъ, доносившійся изъ глубины лѣса, раздавался все громче и громче, потомъ слышались крики и зовъ. Было очень кстати, что вѣтеръ случайно усилился. Наконецъ

внесли на носилкахъ Умпрехта—умирающаго искателя приключеній. Дѣти бросились къ нему, люди съ факелами неподвижно стояли по сторонамъ. Вслѣдъ за этимъ вбѣгаетъ жена и съ выраженіемъ безумнаго ужаса кидается къ одру умирающаго. Онъ пытается что-то сказать, пробуетъ приподняться, но, какъ и требуется по пьесѣ, не можетъ. Вдругъ сильнѣйшій порывъ вѣтра грозитъ потушить факелы. Я вижу какъ кто-то изъ оркестра вскакиваетъ съ мѣста, это, оказывается, флейтистъ. Къ моему, великому изумленію, онъ совершенно лысъ, потому-что парикъ его унесъ вѣтеръ. Съ поднятыми кверху руками, съ зеленымъ шарфомъ на шеѣ онъ хочетъ броситься на сцену за своимъ парикомъ. Я невольно слѣжу за Умпрехтомъ. Его окаменѣлый, испуганный взоръ прикованъ къ флейтисту. Онъ хочетъ что-то сказать, но, очевидно, не можетъ и беспомощно падаетъ на спину... Многіе изъ зрителей думаютъ, что

все это относится къ его роли, я самъ лично тоже не знаю, какъ понять это его движенье, флейтистъ же, тѣмъ временемъ, мчится мимо носилокъ въ лѣсъ, въ погонѣ за своимъ парикомъ и совсѣмъ исчезаетъ въ темнотѣ. А Умпрехтъ такъ и не поднимается. Новый порывъ вѣтра гаситъ одинъ изъ факеловъ, нѣкоторые изъ зрителей, сидящихъ впереди, начинаютъ волноваться и тревожиться. „Тише, тише“ — говоритъ баронъ. Вѣтеръ опять стихаетъ, но Умпрехтъ все еще продолжаетъ лежать, вытянувшись и не шевеля ни однимъ членомъ. Графиня Сайма вскрикиваетъ, а всѣ думаютъ, что это тоже относится къ пьесѣ. Я проталкиваюсь сквозь толпу пробираюсь на сцену, подбѣгаю къ носилкамъ и слышу, какъ вокругъ поднимается общая тревога. За мной идутъ и другіе и окружаютъ носилки тѣснымъ кольцомъ. — „Что случилось“? — говорятъ голоса... Я порывисто беру факель у одного изъ людей и освѣщаю лицо Умпрехта... На-

чинаю его трясти, быстро растегиваю на немъ платье, потомъ приходитъ врачъ и слушаетъ сердце и пульсъ... Онъ проситъ всѣхъ отойти и что-то шепчетъ барону... Жена Умпрехта тревожно проталкивается впередъ и съ крикомъ отчаянія бросается къ мужу. Растерянные дѣти ничего не могутъ понять. Никто изъ окружающихъ не хочетъ вѣрить тому, что случилось, всѣ испуганно перешептываются между собой. Потомъ вскорѣ становится извѣстно, что Умпрехтъ умеръ внезапно, какъ только его внесли на сцену.

Въ этотъ вечеръ, глубоко потрясенный случившимся, я спустился въ долину. Какой-то непонятный, суевѣрный страхъ мѣшалъ мнѣ опять войти въ замокъ. На другой день въ Боценѣ я увидѣлся съ барономъ и рассказалъ ему дословно исторію Умпрехта, наканунѣ услышанную изъ его устъ. Сначала онъ мнѣ не повѣрилъ, но когда я вынулъ изъ бумажника таинственный листокъ съ пла-

номъ и показалъ ему, онъ съ удивленіемъ, почти съ ужасомъ на меня взглянулъ, взялъ листокъ, разсмотрѣлъ его и потомъ отдалъ мнѣ. Въ эту минуту листъ былъ совершенно чистъ: на немъ не было ничего ни начерчено, ни написано...

Я пытался потомъ разыскать Марко-Поло, но, къ сожалѣнію, могъ узнать о немъ только то, что въ послѣдній разъ, года три назадъ, онъ выступалъ въ Гамбургѣ на какой-то низкопробной открытой сценѣ.

Для меня лично самымъ непонятнымъ во всемъ этомъ происшествіи является загадочное исчезновеніе школьнаго учителя-флейтиста, который въ погонѣ за своимъ парикомъ, скрылся въ лѣсъ и больше никогда ужъ оттуда не возвращался. Даже трупъ его не былъ найденъ нигдѣ...

Послѣсловіе издателя.

Автора этого разсказа я лично не зналъ. Въ свое время это былъ до-

вольноизвѣстный писатель, но однако, когда онъ умеръ лѣтъ десять назадъ, его почему-то забыли. Умеръ онъ лѣтъ шестидесяти. Все, что отъ него осталось, перешло въ руки бѣгло упомянутаго въ разсказѣ меранскаго доктора, его стараго друга, а отъ него къ какому-то другому врачу. Съ послѣднимъ я познакомился въ Меранѣ прошлой зимой, много говорилъ съ нимъ на разныя темы и, въ особенности, по вопросамъ, составляющимъ, для насъ пока еще полную тайну: о внушеніи на разстояніи, всякаго рода предсказаніяхъ и т. п. Тогда-же онъ мнѣ и передалъ вышеприведенную рукопись, чтобъ я ее напечаталъ, сдѣлавъ достояніемъ публики то, что въ ней представляетъ такой интересъ. Содержаніе ея я, конечно, легко счелъ бы простымъ вымысломъ, если-бы врачъ тотъ, какъ видно изъ этого разсказа, не присутствовалъ самъ на спектаклѣ съ его страннымъ и трагическимъ исходомъ и самъ лично не зналъ того загадочно исчезающаго

шаго учителя-флейтиста. Что касается до Марка-Поло, я помню хорошо, что когда-то еще въ ранней, ранней юности видѣлъ имя его на одной изъ афишъ. Я запомнилъ это имя потому только, что, какъ разъ въ то самое время собирался прочитать сочиненіе знаменитаго путешественника, называвшагося Марко-Поло.

Новая пѣсня.

— „Помилуйте, господинъ Брейтенедеръ, я совершенно тутъ не причемъ... Я ничуть не виноватъ...“

Слова эти, словно долетая откуда-то издали, коснулись слуха Карла Брейтенедера, ясно однако чувствовавшего близкое присутствіе того, кто произносилъ ихъ. Карлъ даже слышалъ запахъ винныхъ паровъ, сопровождавшій эти слова, но все же ничего не возразилъ. Ему казалось, что теперь онъ совершенно не въ силахъ вступить въ какія-бы то ни было препирательства и объясненія: слишкомъ онъ былъ измученъ, — слишкомъ потрясенъ ужасами пережитой ночи. Хотѣлось только свѣжаго воздуха да одиночества. Онъ,

поэтому, не пошелъ сейчасъ домой, а направился по пустынной улицѣ въ поле, гдѣ поросшіе лѣсомъ холмы, нѣжно рисовались въ туманѣ предутренняго разсвѣта. Но холодная дрожь пробѣгала по тѣлу и мѣшала ощущать пріятную свѣжесть весенняго воздуха, всегда такъ живоительно дѣйствовавшую на Карла послѣ безсонныхъ ночей. Передъ глазами продолжало стоять это страшное зрѣлище, отъ котораго и бѣжалъ онъ.

Человѣкъ, шедшій съ нимъ рядомъ, повидимому, только-что нагналъ его. Но что ему нужно? Въ чемъ онъ оправдывается?.. И почему именно передъ нимъ?.. Онъ вѣдь никогда не упрекалъ вслухъ старика Ребая, хоть самъ прекрасно зналъ, что Ребай былъ главный виновникъ случившагося. Карлъ искоса взглянулъ на него и ужаснулся. Дѣйствительно, видъ у старика былъ весьма неприглядный: черный сюртукъ былъ измятъ и запятнанъ, одной пуговицы не доставало, другія висѣ-

ли на ниткѣ, въ петлицѣ торчалъ увядшій цвѣтокъ. А вчера еще вечеромъ Карлъ видѣлъ цвѣтокъ этотъ свѣжимъ. Она, эта алая геоздика, пышно красовалась на сюртукѣ капельмейстера Ребая, сидѣвшаго за дребезжащимъ пианино и аккомпанировавшаго всѣмъ пѣвцамъ „труппы Ладенбауэръ“, что продѣлывалъ онъ почти тридцать ужъ лѣтъ. Ресторанчикъ былъ весь переполненъ, накрытые столики стояли даже въ саду. Въ этотъ вечеръ, какъ гласило на желтыхъ афишахъ, напечатанныхъ пестрыми буквами, ожидался „первый выходъ послѣ выздоровленія отъ тяжкой болѣзни, дѣвицы Маріи Ладенбауэръ, по прозванію „бѣлый дроздъ“.

Карлъ глубоко вздохнулъ. Стало совсѣмъ ужъ свѣтло и теперь онъ и капельмейстеръ были на улицѣ не одни: имъ навстрѣчу изъ лѣсу и отовсюду по сторонамъ шли прохожіе. И только сейчасъ вспомнилъ Карлъ, что сегодня воскресенье. Онъ

былъ радъ, что нѣтъ надобности итти въ городъ, хотя зналъ, что и на этотъ разъ, какъ и раньше, отецъ простилъ-бы ему, еслибъ онъ не пришелъ въ будній день на работу: вѣдь и безъ него хорошо пойдетъ дѣло въ старинной токарной мастерской отца на Альзеретрассэ. За него-же лично отецъ не боялся: онъ былъ увѣренъ, что изъ сына рано или поздно, выйдетъ порядочный человекъ, какъ и изъ всѣхъ Брейтенедеровъ. А вотъ дружбу съ дѣвицей Маріей Ладенбауэръ онъ, не особенно одобрялъ.

„Ты, конечно, можешь дѣлать, что хочешь“, —ласково сказалъ онъ какъ-то Карлу: „и я тоже былъ молодъ въ свое время... Но съ семьями своихъ случайныхъ подругъ никогда не водилъ знакомства... Я слишкомъ для этого себя уважалъ...“

— „Вотъ еслибъ я послушался отцовскаго совѣта, я отъ многаго убергся-бы...“ думалъ Карлъ. Но ему такъ нравилась Марія, онъ такъ при-

вязанъ былъ къ ней... Это было кроткое, тихое существо, беззавѣтно и просто его любившее. Когда она, бывало, съ нимъ шла по улицѣ подъ руку, никто-бы изъ встрѣчныхъ не сказалъ, что Марія изъ тѣхъ, кто ужъ кое-что пережила... И въ домѣ ея родителей было все такъ прилично... совсѣмъ, какъ въ любомъ бюргерскомъ домѣ. Въ комнатахъ было чисто и мило, на этажеркѣ стояли книги. Приходилъ часто братъ старика Ладенбауэра, чиновникъ городского управленія, и при немъ всегда завязывался такой интересный, серьезный разговоръ: о политикѣ, о выборахъ и на разныя общественныя темы. Иногда по воскресеньямъ Карлъ игралъ въ тарокъ со старикомъ Ладенбауэромъ или съ помѣшаннымъ Іедекомъ, съ тѣмъ самымъ, который по вечерамъ въ клоунскомъ костюмѣ исполнялъ на стаканахъ и тарелкахъ всевозможные марши и вальсы. Если Карлъ выигрывалъ, съ нимъ сейчасъ-же расплачивались, что

далеко не всегда практиковалось, въ кафе, когда онъ тамъ игралъ съ кѣмъ-нибудь въ карты... Въ нишѣ у окна, противъ котораго висѣли швейцарскіе виды въ рамкахъ, усаживалась обыкновенно высокая и блѣдная жена Іедека, декламировавшая по вечерамъ передъ публикой скучные, длинные стихи, заводила разговоръ съ Маріей и качала при этомъ въ тактъ головой. А Марія смотрѣла только на Карла, переглядывалась, съ нимъ, посылала шутливыми жестами привѣтствія или просто садилась съ нимъ рядомъ и заглядывала въ карты. Братъ ея служилъ при большомъ магазинѣ приказчикомъ и, когда Карлъ предлагалъ ему сигару, онъ спѣшилъ отплатить тѣмъ-же. Иногда приносилъ онъ сестрѣ, которую очень любилъ, изъ кондитерской лакомства и уходя, говорилъ какъ-то томно и медленно: „Я, къ сожалѣнію, спѣшу... Меня ждутъ“.

Но, конечно, пріятнѣй всего было Карлу наединѣ съ Маріей. Ему вспом-

нилось сейчасъ одно утро, когда они шли вдвоемъ этой самой дорогой къ тихо шумѣвшему лѣсу, начинавшемуся вонъ тамъ, на холмѣ. Они оба чувствовали усталость, такъ-какъ шли изъ ресторана, гдѣ до разсвѣта сидѣли за столикомъ вмѣстѣ со всей группой. И, прилегши подъ вязомъ, что росъ на лугу, они быстро и сладко уснули, а проснулись, когда было уже жарко, и лѣтнее, полуденное солнце безжалостно жгло. Было тихо. Они прошли дальше, въ глубину темнаго лѣса, много болтали и смѣялись, сами не зная чему, и только поздно вечеромъ онъ привелъ Марію въ городъ, прямо къ началу представленія. Такихъ пріятныхъ воспоминаній было много у Карла. Жизнь обоихъ текла беззаботно и счастливо, и о будущемъ даже и думать не хотѣлось. Вдругъ въ началѣ зимы Марія внезапно занемогла. Докторъ строго запретилъ ее навѣщать, такъ-какъ болѣзнь была воспаленіемъ мозга или чѣмъ-то въ

этомъ родѣ. Малѣйшее волненіе могло повредить. Сначала Карль приходилъ ежедневно справляться о ея здоровьи, но потомъ, когда болѣзнь затянулась, сталъ заходить рѣже: черезъ каждые два или три дня. И вотъ, спустя довольно много времени, однажды мать Маріи, стоя, у двери больной, сказала. „Ну, сегодня вамъ ужъ можно войти, только, пожалуйста, господинъ Брейтенеидеръ, не показывайте виду, что вы знаете... Пожалуйста, не проговоритесь...“

— „Въ чемъ не проговориться?“ — спросилъ Карль. — „Что нибудь случилось?“ — „Да... Глаза ея безнадежны...“ — „Какъ? Неужели?“ — „Она ровно ничего не видитъ... Это послѣ болѣзни... Такъ ужъ суждено отъ Бога... Но она еще не знаетъ, что это неизлѣчимо. Пожалуйста, не проговоритесь и не покажите виду“. Карль въ отвѣтъ пробормоталъ что-то неясное и вышелъ. Ему стало вдругъ страшно отъ мысли, что

онъ увидить слѣпую Марію. Ему казалось теперь, что ничто въ ней такъ не любилъ онъ какъ глаза. Они были такіе свѣтлыя, лучистыя и всегда смѣялись... Онъ хотѣлъ притти завтра, но не пришелъ ни завтра, ни послѣзавтра. Потомъ все откладывалъ свое посѣщеніе и, наконецъ, рѣшилъ, что увидится съ ней только тогда, когда она свыкнется со своей долей, окончательно освоится съ ней.

Вскорѣ ему пришлось уѣхать по дѣламъ отца. Старикъ давно настаивалъ на этой поѣздкѣ. Карлъ побывалъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Кельнѣ, Лейпцигѣ, Прагѣ и оттуда послалъ старухѣ Ладенбауэръ открытку, въ которой писалъ, что навѣститъ ихъ, какъ только пріѣдетъ, и что Маріи шлетъ искренній привѣтъ.

Возвратился онъ весною и къ Ладенбауэрамъ не пошелъ. Все никакъ рѣшиться не могъ. Потомъ все меньше и меньше сталъ думать о Маріи и далъ себѣ слово совсѣмъ о ней

позабить. — „Такъ вѣдь дѣлають всѣ“, — себя утѣшалъ онъ. И, не имѣя о ней никакихъ извѣстій, онъ еще больше сталъ успокаиваться и потомъ, когда вспоминалъ о Маріи, ему почему-то казалось, что она въ деревнѣ у родственниковъ, про которыхъ ему рассказывала иногда.

И вотъ вчера вечеромъ, идя къ знакомымъ, онъ очутился совершенно случайно въ той мѣстности, гдѣ было кафе и гдѣ давались представленія „труппы Ладенбауэръ“. Погруженный въ свои мысли, онъ прошелъ, было, мимо, но вдругъ ему бросилась въ глаза желтая афиша. И тутъ только онъ сообразилъ, гдѣ находится.

Что-то больно кольнуло въ сердце. А когда, секунду спустя, Карлъ прочелъ на афишѣ слова, напечатанные пестрыми буквами: „первый выходъ послѣ выздоровленія отъ тяжелой болѣзни дѣвицы Маріи Ладенбауэръ, и потомъ „бѣлый дроздъ“, его сердце упало, и онъ остановился, какъ вкопанный. Въ эту самую ми-

нугу передь нимъ, какъ изъ подь земли, выросъ старикъ Ребай, съ непокрытой головой, сѣдой и взъерошенный. Въ рукахъ его былъ измятый, потертый цилиндръ, а въ петлицѣ сюртука свѣжая, только что сорванная гвоздика. Онъ поздоровался съ Карломъ.

— „Кого я вижу! Господинъ Брейтенедеръ, вотъ не ожидалъ! Вы, конечно, сегодня удостоите насъ своимъ посѣщеніемъ? Фрейлейнъ Марія будетъ внѣ себя отъ радости, когда узнаеть, что старые друзья ее помнятъ и приходятъ слушать. Вотъ бѣдняжка! Какъ мы много изъ за нея выстрадали всѣ, господинъ Брейтенедеръ! Но теперъ она будто немного свыклась и успокоилась“... — Онъещедолго и безъ умолку говорилъ, и Карлъ не двигался съ мѣста, несмотря на большое желаніе поскорѣе и подальше уйти. Но вдругъ въ немъ шевельнулась надежда, и онъ спросилъ у Ребая: „Неужели Марія не видитъ ничего, или, быть можетъ,

хоть немного?.. Хоть свѣтъ и огонь“?..

— „Свѣтъ“?—возразилъ старикъ.

— „Почему это, господинъ Брейтенедеръ, вамъ могло притти въ голову? Ничего она ровно не видитъ, ровно ничего“...—Онъ произнесъ это съ какой-то странной, неестественной веселостью.

— „У нея передъ глазами, непроглядная, черная ночь... Но все имѣеть, господинъ Брейтенедеръ, какъ вы сами сейчасъ увидите, хорошую сторону: ея голосъ сталъ звучать куда лучше прежняго!.. Вотъ вы сами сегодня убѣдитесь въ этомъ, господинъ Брейтенедеръ. И добра она, ангельски добра! Еще ласковѣй стала, чѣмъ прежде. Да, вѣдь вы знаете ее, неправда-ли хорошо знаете? А? Ха, ха, ха... И сегодня придуть многіе, кто зналъ ее раньше... Но вы были для нея самымъ лучшимъ и желаннымъ... Да, теперь уже всѣмъ романамъ конецъ!.. Впрочемъ, не нужно отчаиваться. Право, еще кое-что можно

отъ жизни взять... Я вотъ зналъ одну женщину, которая, несмотря на слѣпоту, добыла себѣ двухъ близнецовъ... „Посмотрите-ка, посмотрите, кто пришелъ!“ — сказалъ онъ останавливаясь у кассы, за которой сидѣла мать Маріи. У нея было блѣдное, одутловатое лицо. Она бѣгло взглянула на Карла и, молча, подала ему билетъ. Карлъ заплатилъ, какъ-то машинально принялъ изъ ея рукъ сдачу и билетъ, почти не сознавая, что дѣлаетъ и, вдругъ спохватившись, сказалъ: „Не говорите Маріи, фрау Ладенбауэръ... Пожалуйста, не говорите, что я здѣсь. И вы, господинъ Ребай, тоже не говорите“ ...

— „Хорошо“, — отвѣтила Ладенбауэръ и занялась другими, стоявшими у кассы.

— „Ужъ будьте покойны на мой счетъ... Я не обмолвлюсь ни однимъ словечкомъ“, — сказалъ Ребай. — „За то потомъ, вотъ-то будетъ сюрпризъ! Вы вѣдь, конечно, ужинаете съ нами? Да? Вотъ кутнемъ!... Ого!.. А пока

честь имѣю откланиться, господинъ Брейтенедеръ“!—И онъ исчезъ.

Карлъ прошелъ черезъ весь залъ, переполненный публикой въ садъ, непосредственно примыкавшій къ дому и занялъ мѣсто у крайняго столика, гдѣ уже сидѣло двое пожилыхъ людей: какой-то господинъ съ дамой. Они любопытно и внимательно стали разсматривать вновь вошедшаго, обмѣниваясь другъ съ другомъ тихими, малчаливыми кивками. Карлъ ждалъ. Представленіе началось. Онъ услышалъ старыя, хорошо знакомые номера. Только все казалось теперь будто инымъ, какъ-то странно измѣнившимся, потому-что Карлъ никогда еще не сидѣлъ такъ далеко отъ эстрады. Сначала вышелъ Ребай и сыгралъ свою, такъ называемую увертюру, но до Карла доносились только отдѣльные громкіе аккорды ея. Потомъ вышла въ ярко-пунсовомъ платьѣ и сапогахъ со шпорами венгерка Илька, пропѣла венгерскія пѣсни и протанцевала чардашъ. Затѣмъ послѣдо-

валь комическій выходъ Вигеля-Вагеля, одѣтаго въ свѣтло-зеленый фракъ. Онъ объявилъ, что пріѣхалъ изъ Африки и рассказалъ цѣлую массу всевозможныхъ невѣроятныхъ приключеній, завершившихся его женитьбой на богатой вдовѣ. Потомъ супруги Ладенбауэръ, оба въ тирольскихъ костюмахъ, проѣли дуэтъ. Послѣ нихъ вышелъ въ грязной, бѣлой одеждѣ клоуна дурковатый Іедекъ, показалъ свое жонглерское искусство, окинулъ публику, большими вытаращенными глазами, словно кого-то ища, и сталъ разставлять передъ собой рядами тарелки. Потомъ началъ наигрывать на нихъ маршъ, съ помощью деревянной палочки. Продѣлавъ тоже со стаканами, и касаясь ихъ краевъ влажными пальцами, онъ исполнилъ грустный, трогательный вальсъ. При этомъ Іедекъ смотрѣлъ вверхъ и блаженно, самодовольно улыбался. Когда онъ сошелъ съ эстрады, Ребай заигралъ снова какую-то веселую, торжественную мелодію. Вдругъ шопоть про-

бѣжалъ по рядамъ и проникъ въ садъ. Всѣ, словно въ ожиданіи насторожились. На эстрадѣ показалась Марія. Ее ввелъ туда отецъ и оставилъ одну. Карлъ увидѣлъ потухшіе глаза на блѣдномъ и нѣжномъ лицѣ. Онъ увидѣлъ, какъ дрогнули ея губы, потомъ появилась тихая, сдержанная улыбка и снова исчезла. Почти машинально, самъ того не замѣчая, Карлъ вскочилъ со стула, прислонился къ фонарю и едва не крикнулъ отъ муки и жалости... Но вотъ Марія запѣла. Она пѣла словно чужимъ, совсѣмъ не прежнимъ голосомъ и такъ тихо, тихо... Пѣсня была знакомая, Карлъ ее слышалъ, вѣроятно, разъ сорокъ или пятьдесятъ, но голосъ Маріи звучалъ теперь какъ-то чуждо, и странно. И только при звукахъ припѣва: „всѣ зовутъ меня бѣлымъ дроздомъ“, Карлу показалось, что онъ узнаетъ этотъ голосъ. Она пропѣла всѣ три куплета подъ аккомпаниментъ Ребая, времяотъ времени на нее строго поглядывавшаго,

на мгновение отрываясь отъ клавишей. Когда она кончила, раздался громъ аплодисментовъ. Марія улыбнулась и поклонилась. Ей навстрѣчу взошла на эстраду мать. Марія сдѣлала неувѣренный жестъ въ воздухѣ, словно ища рукъ матери... Аплодисменты усиливались и стали такъ оглушительно громки, что Марія должна была спѣть еще и вторую пѣсенку. Карль слышалъ и эту тоже много, много разъ. Пѣсня начиналась такъ: „Я по полю съ милымъ пойду погулять“... Марія, когда это пѣла, такъ весело вскидывала головой и такъ легко раскачивалась на мѣстѣ, будто, дѣйствительно, она еще могла разгуливать по полю съ милымъ, любоваться лазоревымъ небомъ и плясать на зеленомъ лугу, какъ пѣлось въ той пѣснѣ. Потомъ она спѣла третью, совсѣмъ новую пѣсню...

— „Вотъ тутъ небольшой ресто- ванчикъ“, — сказалъ Ребай.

Карль вздрогнулъ. Солнце было

ужь высоко и заливало свѣтомъ, широкую, длинную улицу, по которой они шли. Вокругъ было ярко, весело и по-праздничному оживлено.

— „Зайдемте сюда... Здѣсь можно и по стаканчику вина выпить... У меня безумная жажда. Видно, день будетъ очень жаркій“.

— „Очень даже жаркій“, — сказалъ кто-то около. Брейтенеръ обернулся. Неужели и этотъ увязался за нимъ? Что ему отъ него нужно? Это былъ дурачекъ Іедекъ. Его называли сумасшедшимъ въ шутку, но было ясно, что онъ отъ этого не былъ далекъ. Недалеко, какъ два или три дня назадъ онъ угрожалъ смертью своей длинной и блѣдной женѣ, и было странно, что ему позволяли разгуливать на свободѣ. Рядомъ съ Карломъ онъ выглядѣлъ совѣмъ гномомъ. На желтомъ лицѣ блестѣли глаза, горѣвшіе странной веселостью, на головѣ красовалась давно знакомая, мягкая, сѣрая шляпа, съ общипаннымъ перомъ, а въ рукѣ была тонкая трость.

Онъ первый вбѣжалъ въ садъ ресторана, занялъ мѣсто на скамьѣ, упиравшейся въ стѣну низкаго домика и сердито застучалъ палкой по зеленому крашеному столу, дѣлая знакъ, что зоветъ кельнера. Его примѣру послѣдовали Карлъ и Ребай. Вдоль деревяннаго рѣшетчатаго забора, мимо маленькихъ мрачныхъ дачъ тянулась длинная улица и потомъ незамѣтно терялась въ лѣсу.

Кельнеръ подаль вино. Ребай положилъ на столъ свой цилиндръ, провелъ рукой по сѣдымъ волосамъ, потомъ, по привычкѣ, погладилъ свои щеки и, отодвинувъ въ сторону стаканъ тедека, нагнулся черезъ столъ къ Карлу. „Я вѣдь не дуракъ, господинъ Брейтенедеръ, и знаю, что дѣлаю!.. И почему, я долженъ быть виноватъ?.. Знаете для кого я писалъ въ молодости куплеты? Для знаменитаго комика Матраса! А это не шутка! И куплеты мои славились... они производили фуроръ. И текстъ, и музыка были мои... Много моихъ

куплетовъ было вставлено въ разные фарсы и водевили“!..

— „Оставьте мой стаканъ и не трогайте“!—сказаль Іедекъ какъ-то странно захохотавъ.

— „Выслушайте меня, господинъ Брейтенеръ“, — продолжалъ Ребай, опять отодвигая стаканъ Іедека. „Вы вѣдь знаете меня за порядочнаго человека. И въ куплетахъ моихъ никогда не найдете вы ни одной сальности, ни одного неприличнаго слова или намека... Тѣ куплеты, за которые какъ-то оштрафовали старика Ладенбауэра—не мои... Мнѣ вѣдь шестьдесятъ восемь лѣтъ, господинъ Брейтенедеръ,—а эта цифра почтенная! Знаете сколько времени я состою въ труппѣ Ладенбауэръ? Я поступилъ еще при Эдуардѣ Ладенбауръ, основателѣ труппы. И Марія при мнѣ родилась... Двадцать девять лѣтъ я служу у Ладенбауэровъ, и въ мартѣ будетъ мой тридцатилѣтній юбилей. И я ни у кого не кралъ своихъ мелодій, онѣ мои, всѣ мои!... А знаете сколько

моихъ пѣсенъ играютъ теперь шарманки? Восемнадцать... Вѣдь, правда, Іедекъ“?..

Іедекъ продолжалъ молчаливо улыбаться своими странными, вытаращенными глазами, потомъ придвинулъ къ себѣ всѣ три стакана, и заигралъ на нихъ одну изъ своихъ любимыхъ мелодій. Послышались нѣжные, трогательные звуки, похожіе на звуки гобоя или кларнета вдали. Брейтенедеру всегда нравилась музыка Іедека, но теперь она ему была невыносима. Сидѣвшіе за другими столиками начали прислушиваться, иные одобрительно стали кивать головой, а какой-то толстякъ даже захопалъ. Вдругъ Іедекъ порывистымъ жестомъ отодвинулъ стаканы отъ себя, скрестилъ руки и уставился на залитую солнцемъ улицу, по которой двигалась въ сторону лѣса цѣлая толпа прохожихъ. И толпа эта все увеличивалась и увеличивалась. У Карла зарябило въ глазахъ, и ему стало казаться, что люди эти точно плывутъ

и кружатся въ воздухѣ, подернутомъ густой паутиной. Онъ потеръ себѣ лобъ и глаза, словно желая очнуться. Но чѣмъ могъ онъ помочь бѣдѣ?.. Случилось страшное горе, но вѣдь не по его же винѣ!.. И Карлъ порывисто всталъ. Когда онъ начиналъ углубляться мыслями дальше и дальше, ему казалось, что сердце его рвется на части. Ну, пойдете“, — сказалъ онъ.

— „Да, выйдемъ на свѣжій воздухъ... Это самое главное“, — прибавилъ Ребай.

Вдругъ Іедекъ почему-то вскипѣлъ и заволновался. Онъ подошелъ къ столу, гдѣ сидѣла какая-то мирная пара и, размахивая тростью, сталъ кричать: „Да тутъ самъ чортъ голову сломить! Будь всѣ вы трижды прокляты, сколько васъ тутъ ни есть“!.. Сидѣвшіе смутились и принялись его успокаивать, многіе начали смѣяться, думая, что онъ пьянъ.

Рейбай и Брейтенедеръ очутились вскорѣ на улицѣ, а утихшій Іедекъ

побѣжалъ за ними въ припрыжку, приплясывая на ходу. Снявъ свою сѣрую шляпу и повѣсивъ ее на палку, онъ перекинулъ палку черезъ плечо и понесъ ее, въ видѣ ружья. Другою рукой онъ посылалъ привѣтствія небу.

— „Не подумайте, что я хочу оправдываться“, — сказала Ребай. Мнѣ не въ чѣмъ оправдываться, совершенно не въ чѣмъ!.. У меня были самыя лучшія намѣренія, и это всякій признаетъ... Вѣдь я самъ разучивалъ съ ней пѣсню. Да, самъ... Мы принялись за это, когда Марія еще сидѣла въ темной комнатѣ съ повязкой на глазахъ... А знаете, какъ мнѣ пришла въ голову эта мысль? Я сталъ разсуждать такъ: горе велико, горе ужасно, но вѣдь всетаки не все же еще потеряно... У нея отличный голосъ, красивое, молодое лицо... Я сказалъ это и матери, она, бѣдная, была тогда въ такомъ отчаяннѣ!.. — Фрау Ладенбауэръ, — сказалъ я ей, — нужно съ этимъ примириться, но не

не все-же еще потеряно! Вотъ вы увидите, что не все!.. И потомъ теперь вѣдь существуютъ эти институты для слѣпыхъ, которыхъ тамъ вновь выучиваютъ читать и писать... А еще я вамъ скажу вотъ что: я зналъ одного человѣка, который съ двадцати лѣтъ ослѣпъ... И, представьте, ему каждую ночь снился фейерверкъ!.. Самый разнообразный, самый яркій!.. Брейтенедеръ усмѣхнулся. „Вы шутите или говорите серьезно“?—спросилъ онъ.

— „А то -- что-же“! -- грубо воскликнулъ Ребай. Что-же, по вашему, я долженъ повѣситься или удавиться? Чего ради? Слава Богу, я и такъ не мало горя перевидалъ на своемъ вѣку!.. Или, по вашему, господинъ Брейтенедеръ, это называется жизнью, хорошею жизнью, когда тотъ, кто въ молодости писалъ пьесы для сцены, долженъ на старости лѣтъ... на седьмомъ десяткѣ за жалкіе гроши аккомпанировать на дрянныхъ, разбитыхъ цимбалахъ всякому охрипшему

сброду... А тутъ еще и куплеты для него сочиняй! Вы знаете, сколько я получаю за пѣсню? Вы-бъ удивились, господинъ Брейтенедеръ, если-бъ я вамъ сказалъ!..

„Но вѣдь ихъ играютъ и шарманки“,—вставилъ Іедекъ, шедшій теперь около нихъ—съ совершенно серьезнымъ, корректнымъ и даже, пожалуй, галантнымъ видомъ.

„Да чего вы отъ меня хотите?“—крикнулъ Брейтенедеръ. Ему показалось, что оба эти человѣка его преслѣдуютъ съ какою-то неизвѣстною, темною цѣлью, но какъ отдѣлаться отъ нихъ, онъ не зналъ. А Ребай продолжалъ: „Я хотѣлъ создать дѣвущкѣ новую жизнь... Понимаете-ли совершенно новую жизнь, и именно этой новою пѣсней... Да, новою пѣсней... А развѣ пѣсня не хороша, не трогательна?..“

Вдругъ крошечный Іедекъ схватилъ Брейтенедера за рукавъ, поднялъ въ верхъ лѣвый указательный палецъ, какъ-бы призывая къ вниманью, по-

томъ вытянулъ губы и засвисталъ. Онъ насвистывалъ мотивъ новой пѣсни, которую Марія Ладенбауэръ, по прозванію „бѣлый дроздъ“ пѣла въ эту ночь. Іедекъ исполнилъ ее въ совершенствѣ. Это былъ то же одинъ изъ его талантовъ.

— „Да вѣдь тутъ дѣло не въ мелодіи“,-- сказалъ Брейтенедеръ.

— „То-есть какъ“?—воскликнулъ Ребай. Они шли очень быстро, почти бѣгомъ, несмотря на то, что дорога круто поднималась вверхъ. „То-есть какъ — господинъ Брейтенедеръ? По вашему, вся суть и вина въ словахъ?.. Скажите, пожалуйста, есть въ словахъ этихъ что-нибудь новое, чего-бы про себя не знала Марія?.. Когда я въ ея комнатѣ разучивалъ съ ней пѣсню, она даже ни разу не заплакала... Она только сказала: „Какая это грустная пѣсня, господинъ Ребай, но зато какая красивая“!.. „Красивая“, — сказала она. Конечно, господинъ Брейтенедеръ, пѣсня печальна, но вѣдь и на долю

Маріи выпала печальная участь... Не могъ - же я послѣ всего, что стряслось, написать ей веселую пѣсню“?...

Дорога поворачивала въ лѣсъ, куда они всѣ трое вошли. Сквозь листву свѣтило солнце, изъ чащи кустовъ доносился веселый смѣхъ и далекое, звонкое ауканье. Всѣ они шли такъ быстро, что казалось, будто каждый изъ нихъ убѣгаетъ отъ преслѣдованья другого. Вдругъ Ребай снова заговорилъ: „А публика, чортъ возьми, развѣ она не апплодировала, какъ сумасшедшая? Я вѣдь заранѣе зналъ, что успѣхъ будетъ огромный. И Маріи было это пріятно. Все лицо ея просіяло улыбкой, когда послѣдній куплетъ пришлось повторить... Онъ такой жалостный, трогательный!.. Когда я его сочинялъ, у меня самого текли слезы... Самое трогательное въ немъ, это намекъ на ту пѣсню, про поле и лѣсъ, пѣсню, которую она пѣла всегда“... И онъ пропѣлъ или, вѣрнѣе, продекламиро-

валъ слѣдующее, выдѣляя риѳмовыя созвучія, какъ на органѣ:

„Мнѣ весело прежде на свѣтѣ жилось!

„Счастливое сердце на волю рвалось,

„Туда, гдѣ улыбкою небо сіяло,

„Гдѣ подъ руку съ милымъ такъ часто
гуляла,

„Вдыхая душистыхъ полей аромать...

„Увы! Эти дни не вернутся назадъ!

„Не видѣть мнѣ больше ни луннаго
свѣта,

„Ни синихъ небесъ, и въ сіяніи лѣта

„По пеотрому лугу вдвоемъ не хо-
дить!

„Увы, мнѣ во вѣкъ ужъ любимой не
быть“!..

— „Довольно“! — закричалъ Брейтенедеръ. Я вѣдь слышалъ“...

— „А что, по вашему, не хорошо?.. Плохая развѣ пѣсня?.. — сказалъ Ребай, размахивая цилиндромъ. — „Не много теперь найдется людей, которые сумѣютъ написать такіе стихи... А мнѣ старикъ Ладенбауэръ заплатилъ за нихъ только пять гульденовъ. Вотъ каковы мои гонорары, господинъ Брейтенедеръ! И при

этомъ еще я вѣдь и разучиваль съ ней“...

Іедекъ опять поднялъ вверхъ указательный палець и напѣлъ тихонько припѣвъ:

„За что мнѣ такая печаль суждена,
„Не видѣть во вѣкъ, какъ сіяетъ весна“?

Такъ вотъ я спрашиваю, при чемъ же тутъ я“?—воскликнулъ Ребай. При чемъ я тутъ?.. Сейчасъ, послѣ того, какъ она пропѣла, я былъ у нея... Правда вѣдь, Іедекъ? Она сидѣла, такъ спокойно улыбаясь и пила изъ стаканчика вино... Я погладилъ ее по головѣ и сказалъ: „вотъ видишь, Марія, какъ это понравилось публикѣ? Теперь къ намъ, навѣрное, будутъ и изъ города приходить... Пѣсня будетъ имѣть огромный успѣхъ... Увидишь... И поешь ты прекрасно“... Ну, и еще тамъ кое-что въ этомъ родѣ... Потомъ зашелъ къ ней хозяинъ и тоже ее поздравилъ. И цвѣты ей поднесли... Но не отъ васъ, господинъ Брейтенедеръ, они были... не отъ

вась... И все шло, какъ нельзя лучше... Къ чему-же винить мою пѣсню? Все это сущій вздоръ... Неумно и неосновательно“ ...

Брейтенедеръ вдругъ остановился и схватилъ Ребая за плечи.

— „Къ чему вы ей сказали, что я здѣсь?.. Къ чему? Развѣ я не просилъ васъ молчать“?..

— „Оставьте меня, пустите... Ничего я ей не говорилъ... Она, навѣрное, узнала отъ стариковъ“.

— „Нѣтъ“,—сказалъ Іедекъ, радостнымъ тономъ и отвѣсилъ поклонъ. „Это я сообщилъ ей, господинъ Брейтенедеръ. Я сообщилъ... Потому что узналъ, что вы пришли. Вѣдь во время болѣзни она такъ часто о васъ справлялась... Господинъ Брейтенедеръ здѣсь, — я сказалъ. Онъ стоялъ вонъ тамъ у фонаря, и ему очень понравилось“!..

„Вотъ какъ!..—сказалъ Брейтенедеръ. Что-то сдавило ему горло, и, отвернувшись отъ пристальнаго взгляда Іедека, онъ въ изнеможеніи опу-

стился на скамейку, мимо которой они шли. Карль закрылъ глаза. Ему вдругъ представилось, что онъ сидитъ въ садикѣ, а надъ его ухомъ раздается голосъ старухи Ладенбауэръ: „Марія вамъ кланяется и спрашиваетъ не придете ли вы послѣ представленія къ намъ“? Потомъ онъ вспомнилъ, какъ у него сразу, вслѣдъ за этимъ на душѣ стало легко и спокойно... Точно Марія ему сразу все простила... Онъ быстро допилъ свое вино и потребовалъ еще лучшаго. И выпилъ такъ много, что ему сдѣлалось вдругъ весело, весело, и жизнь показалась такой легкой и хорошей... Онъ съ удовольствіемъ прослушалъ всѣ номера, вмѣстѣ со всѣми усердно аплодировалъ исполнителямъ и когда представленіе кончилось, въ самомъ радужномъ настроеніи прошелъ черезъ залу въ отдѣльную комнату ресторана, гдѣ обыкновенно за круглымъ столомъ ужинала вся кампанія ладенбауэровской труппы. Карль засталъ уже многихъ на мѣстѣ: Виге-

ля-Вагеля, Іедека съ женой и какого то господина въ очкахъ, котораго никогда прежде не видѣль. Всѣ поздоровались съ Карломъ, не изобразивъ на лицахъ ни малѣйшаго удивленія: будто видѣли его наканунѣ. Вдругъ онъ услышалъ за спиной знакомый голосъ, голосъ Маріи. „Я сама теперь, мама, дойду,—вѣдь я знаю дорогу“... Онъ боялся обернуться, но Марія сѣла съ нимъ рядомъ и заговорила: „здравствуйте, господинъ Брейтенедеръ! Какъ поживаете. И въ эту минуту Карлъ вспомнилъ, что она всѣмъ мужчинамъ, бывшимъ прежде ея любовниками, говорила потомъ „вы“ и „господинъ такой-то“... Потомъ Марія стала ужинать. Ей давали все мелко нарѣзанное, и всѣ были веселы и довольны, будто и не случилось ничего. Сегодня хорошо сошло,—сказалъ старикъ Ладенбауэръ. Теперь опять наступятъ хорошія времена“!—Жена Іедека сообщила, что, по мнѣнію всѣхъ, голосъ Маріи звучитъ гораздо чище и лучше, а Вигель-Вагель поднялъ

стаканъ и провозгласилъ тостъ: „за здоровье исцѣлившейся“! Марія приподнялась съ мѣста и всѣ чокнулись съ ней. Карлъ тоже коснулся ея стакана своимъ, и ему въ эту минуту показалось, что Марія хочетъ проникнуть своими мутными, безжизненными глазами въ его душу, чтобъ узнать, что происходитъ въ ней. Былъ здѣсь также и братъ Маріи, модно и элегантно одѣтый и предложилъ Карлу сигару. Но веселѣе всѣхъ была Илька. Ея поклонникъ, молодой упитанный человѣкъ, съ озабоченнымъ и испуганнымъ лицомъ, сидѣлъ напротивъ нея и оживленно разговаривалъ со старикомъ Ладенбауэромъ. Жена Іедека сидѣла въ своемъ желтомъ плащѣ и разсѣянно глядѣла въ уголь. Раза два или три подходили къ Маріи съ поздравленіями сидѣвшіе за сосѣднимъ столомъ; она отвѣчала своей обычной кроткой улыбкой, будто все шло по-прежнему и не измѣнилось ничуть. Потомъ вдругъ спросила Карла: „почему вы такъ

молчаливы“? И Карль только сейчас замѣтилъ, что ни разу не открылъ еще рта. Онъ сдѣлался весель и оживленъ, присоединился къ общей бесѣдѣ и только Маріи ни слова не сказалъ. Ребай продолжалъ говорить о томъ счастливомъ времени, когда онъ сочинялъ для Матраса куплеты. Потомъ сталъ передавать содержаніе фарса, написаннаго имъ тридцать пять лѣтъ назадъ, причемъ самъ представлялъ всѣ роли. Общій восторгъ вызвала его передача роли богемскаго музыканта. Ровно въ часъ встали изъ-за стола. Фрау Ладенбауэръ взяла дочь подъ руку. Всѣ громко смѣялись, шутили и, по видимому, никто ужъ, не находилъ страннымъ, что для Маріи все окутано мракомъ: съ этимъ свыклись. Карль шелъ съ нею рядомъ. Ладенбауэръ съ интересомъ спрашивала Карла о его домашнихъ дѣлахъ и путешествіи. И Карль сталъ быстро рассказывать обо всемъ, что онъ видѣлъ: о театрахъ, объ увесе-

лительныхъ садахъ, какіе пришлось посѣтить, и дивился въ душѣ увѣренности, съ которою шла Марія подъ руку съ матерью, спокойно и весело слушая его рассказы. Потомъ всѣ усѣлись въ залѣ кафе, въ старомъ и дымномъ помѣщеніи, гдѣ въ этотъ часъ ночи почти никого уже не было. Кампанію угощаль полновѣсный другъ венгерки Ильки. И среди общаго шума и гама, Марія близко прижалась къ Карлу, будто въ прежнія времена. Онъ даже чувствовалъ теплоту ея тѣла. И вдругъ она безмолвно коснулась его руки и стала ее гладить. Ему такъ хотѣлось сказать ей что-нибудь теплое, утѣшительное, но онъ не могъ... Онъ окинулъ ее косымъ и бѣглымъ взглядомъ, и опять ему стало казаться, будто на него кто-то смотритъ изъ ея далекихъ и странныхъ глазъ. То былъ не человѣческій взглядъ, а что-то чуждое и таинственное... Карлу стало жутко, будто около него сидѣлъ призракъ. Рука его дрогнула и инстинктивно

отдернулась. Марія тихо сказала: „Ты меня боишься? Вѣдь я та-же, что и была“... Онъ опять ничего не могъ ей отвѣтить и быстро вмѣшался въ общій разговоръ. Вскорѣ кто-то изъ кампаніи спросилъ: „гдѣ Марія“?.. Это былъ голосъ фрау Ладенбауэръ. И только сейчасъ всѣ замѣтили, что Марія исчезла. „Гдѣ-же Марія“?— испуганно спрашивали всѣ. Многіе встали. Старикъ Ладенбауэръ подошелъ къ наружнымъ дверямъ ресторана и крикнулъ на улицу: „Марія“!— Всѣ встревожились и заговорили, перебывая другъ друга. Кто-то сказалъ: „Какъ можно было позволить ей встать и уйти“?.. Вдругъ раздался крикъ со двора: „Несите свѣчи!.. Фонари“!.. Потомъ чей-то голосъ воскликнулъ: „Царица небесная“! То былъ вздохъ фрау Ладенбауэръ. Всѣ бросились во дворъ черезъ маленькую кухню кафе. Ужъ брезжилъ разсвѣтъ. Вокругъ стараго, одноэтажнаго дома шла длинная галлерейя. Перегнувшись черезъ перила, стоялъ кто

то безъ сюртука, со свѣчею въ рукахъ и смотрѣль внизъ. Потомъ появились двѣ женщины, въ ночномъ бѣльѣ, очевидно, только что вставшія со сна. Кто-то поспѣшно сбѣгалъ со скрипучей лѣстницы. Это первое, что увидѣль Карль. Потомъ что-то бѣлое промелькнуло передъ его глазами: чья-то рука подняла съ земли и потомъ опять уронила кружевной бѣлый шарфъ. Надъ ухомъ Карла близко и рѣзко прозвучали слова: „Теперь ужъ ничто не поможетъ!.. Она не шевелится... Послать за докторомъ... За каретой скорой помощи... За полиціей!..“ Всѣ шептались другъ съ другомъ, иные выбѣжали на улицу. За одной фигурой Карль слѣдилъ взоромъ произвольно и безсознательно: это была высокая жена Іедека въ желтомъ плащѣ. Она схватилась въ отчаяннѣи за голову, убѣжала и потомъ ужъ не возвращалась. Вокругъ Карла толпились люди. Онъ долженъ былъ пустить локти въ ходъ, чтобъ не упасть на фрау Ладенбауэръ, стоявшую на

землѣ на колѣняхъ передъ дочерью, держа ея похолодѣвшіе руки въ своихъ. Она терла ихъ и при этомъ раздирательно кричала: „Скажи-же хоть что-нибудь... что-нибудь“!.. Потомъ появился привратникъ съ фонаремъ, въ халатѣ и туфляхъ, освѣтилъ лицо лежащей и сказалъ: „Экое горе и грѣхъ!.. Это она ударилась головой о колодезь“. И тутъ только Карлъ замѣтилъ, что Марія лежитъ распростертая у каменнаго сруба колодца. Потомъ появился внезапно человекъ безъ сюртука, стоявшій на балконѣ. „Минуть пять назадъ началъ онъ: „Я вдругъ услышалъ шумъ“... Взоры всѣхъ сразу обратились къ нему. Онъ продолжалъ: „Назадъ минутъ пять, не больше я услышалъ шумъ“... „Какъ-же это она сама отыскала дорогу“?..—спросилъ чей-то голосъ совсѣмъ за спиною у Карла. — „Помилуйте, вѣдь домъ ей знакомъ“,—отвѣтилъ другой. „Прошла ошупью черезъ кухню, поднялась по ступенькамъ наверхъ въ

галлерею, потомъ внизъ, держась за перила. Это совсѣмъ не такъ трудно“!..—Шопоть раздавался почти надъ ухомъ Карла. Говорили все знакомые люди, но голосовъ ихъ онъ не узнавалъ и не оборочивался. Гдѣ то по сосѣдству прокричалъ пѣтухъ. Карлу казалось будто все это происходитъ во снѣ. Привратникъ поставилъ фонарь на срубъ колодца. Мать Маріи кричала: „Что же докторъ не идетъ“? Старикъ Ладенбауэръ приподнялъ голову Маріи, такъ что свѣтъ отъ фонаря падалъ ей прямо въ лицо, и Карлъ ясно увидѣлъ, какъ у Маріи зашевелились губы, дрогнули ноздри, и какъ ея неподвижные, холодные глаза окинули его прежнимъ безжизненнымъ взглядомъ. Онъ замѣтилъ также, что мѣсто, на которомъ лежала голова Маріи, было мокро и красно. И Карлъ крикнулъ: „Марія! Марія“! Но никто его не слышалъ, какъ и онъ не слышалъ себя. Свѣчи догорали. Фиолетовая мгла весенней ночи висѣла въ воздухѣ, окутывая дворъ.

Фрау Ладенбауэръ подложила подъ голову Маріи сложенный вдвое, бѣлый кружевной шарфъ. Карлъ стоялъ неподвижно и глядѣлъ внизъ. Вдругъ стало свѣтло, и онъ увидѣлъ, что лицо Маріи спокойно и совершенно неподвижно: только капли крови стекали со лба и волосъ, падая по щекамъ и шеѣ внизъ на влажныя плиты двора. Тутъ Карлъ понялъ, что она умерла.

Онъ открылъ глаза, словно пробуждаясь отъ тяжкаго сна. Онъ сидѣлъ теперь одинъ на скамьѣ у дороги, а Ребай и помѣшанный Іедекъ мчались подъ гору внизъ. Оба о чемъ-то оживленно разговаривали, сильно жестикилируя. Палка Іедека тонкой линіей рисовалась на горизонтѣ. Шедшіе ускоряли шаги, оставляя за собой легкое облако пыли. Ихъ слова относилъ въ сторону вѣтеръ. Вокругъ все блестѣло и ликовало, а городъ внизу, казалось, утопалъ въ трепетной мглѣ полуденныхъ лучей.

Чужая.

Когда Альбертъ рано утромъ проснулся, онъ увидѣлъ около себя пустую постель. Жены въ комнатѣ не было, а на ночномъ столикѣ лежала записка. Въ ней Альбертъ прочиталъ: „Я встала, милый, раньше тебя. Прощай. Ухожу. Быть можетъ, я не вернусь. Всего лучшаго. Катерина“.

Альбертъ уронилъ записку на одѣяло и покачалъ головой. Онъ почувствовалъ вдругъ равнодушіе къ тому, вернется она или не вернется. Его не удивило ни содержаніе, ни тонъ письма. То, къ чему онъ давно былъ готовъ, пришло только немножко раньше. Его счастье длилось полмѣсяца. Но не все-ли равно? Альбертъ зналъ, что это только вопросъ времени и давно ко всему приготовился.

Онъ медленно всталъ, накинулъ халатъ, подошелъ къ окну и раскрылъ его. Городъ Инсбрукъ, во всю свою ширину и длину свободно раскинулся и лежалъ тамъ внизу, въ сіяніи тихаго утра. А вдали, въ голубомъ полусвѣтѣ рисовались высокія, мрачныя скалы. Альбертъ скрестилъ на груди руки и уставился въ даль. У него ныла душа. Онъ думалъ сейчасъ о томъ, что подготовленность и предпринятое заранѣе рѣшеніе не облегчаютъ тяжести горя, а даютъ только силы выносить его съ большимъ достоинствомъ. Имъ овладѣло минутное колебаніе. Но чего было ждать? Не лучше-ли тутъ-же, сразу покончить съ собой и навсегда успокоиться? Развѣ это новое, зародившееся въ немъ любопытство по отношенію къ будущему, не было измѣной себѣ, своимъ прежнимъ планамъ? Но судьба, такъ или иначе, должна вѣдь исполниться, а она, въ сущности, была ужъ предрѣшена еще два года назадъ, когда во время танцевъ впервые коснулось

его щекъ холодное дыханіе загадочныхъ устъ Катерины. Ему вспоминалась сейчасъ ночь послѣ бала, когда онъ возвращался домой вмѣстѣ съ другомъ Викентіемъ. Онъ вспомнилъ все, что сказалъ ему Викентій тогда. Альберту ясно слышался въ эту минуту нѣжный тонъ предостереженія друга, довольно близко знавшаго и Катерину, и ея семью. Отецъ Катерины былъ артиллерійскимъ полковникомъ, участвовалъ въ походѣ въ Боснію, получилъ тамъ баронскій титулъ и палъ отъ пули инсургента. Братъ служилъ въ кавалеріи и быстро спустилъ свою долю наслѣдства, полученную отъ отца потомъ мать должна была пожертвовать всѣмъ своимъ состояніемъ, чтобъ спасти сына отъ позора, но однако и это не помогло: юный офицеръ застрѣлился. Послѣ этого, баронъ Масбрукъ, котораго всѣ привыкли считать женихомъ Катерины, сразу пересталъ бывать у нихъ въ домѣ и порвалъ всѣ сношенія. Такой поворотъ отношеній стали объ-

яснять отчасти обѣднѣніемъ семьи, отчасти той странною сценою, что произошла во время похоронъ: Катерина, рыдая, упала въ объятія какого-то незнакомога товарища брата, точно онъ былъ ей другъ или возлюбленный. Спустя годъ она неожиданно воспылала любовью къ знаменитому органисту Банетти, но онъ вскорѣ уѣхалъ и, кажется, прежде, чѣмъ она успѣла перекинуться съ нимъ словомъ или даже познакомиться. Однажды она объявила матери, что въ эту ночь она видѣла во снѣ Банетти, вошедшаго къ нимъ въ домъ, потомъ сыгравшаго на роялѣ фугу Баха и затѣмъ внезапно умершаго. Потолокъ въ комнатѣ разверзся, а рояль поднялся и вознесся къ небу. Въ этотъ же день Вѣну облетѣло извѣстіе, что Банетти упалъ съ церковной башни на кладбищѣ, въ одной маленькой ломбардской деревушкѣ, и у подножія креста его подняли мертвымъ. Вскорѣ послѣ этого у Катерины стали обнаруживаться признаки душевной бо-

лѣзни, которая стала принимать все болѣе и болѣе острую форму, выражаясь тяжелыми припадками меланхолии. Только настойчивый протестъ матери и ея глубокая, твердая вѣра въ выздоровленіе Катерины помѣшали врачамъ помѣстить ее въ лѣчебницу. Цѣлый годъ провела больная въ молчаніи и полномъ уединеніи. Иногда только по ночамъ она вставала съ постели и пѣла то, что пѣла, когда была здорова. Но, къ большому удивленію врачей, Катерина мало-по-малу стала выходить изъ своего угнетеннаго и подавленнаго состоянія. Она начала по-немногу пробуждаться къ жизни, чувствовать интересъ къ развлеченіямъ, и вскорѣ ее можно было кое-гдѣ встрѣтить: сначала въ кругу самыхъ близкихъ знакомыхъ, потомъ на балахъ и въ собраніяхъ, И когда Альбертъ впервые увидѣлъ Катерину на балу Бѣлаго Креста и съ ней познакомился, она показалась ему такой спокойной и нормальной, что просто не хотѣлось вѣрить тому, что

онъ услышалъ потомъ отъ товарища по дорогѣ домой.

Альбертъ фонъ-Вебелингъ, до того времени мало вращавшійся въ свѣтѣ, очутился, однако, благодаря своему происхожденію и должности вице-секретаря при одномъ изъ министерствъ, въ кругу, къ которому принадлежала Катерина. Его симпатія къ ней съ каждой встрѣчей усиливалась. Катерина и одѣвалась, и держала себя довольно просто, но ея высокая, стройная фигура и совсѣмъ царственная манера наклонять голову, когда она слушала чью-нибудь рѣчь, придавали ей строго-величественный видъ. Она говорила мало, часто устремляя взоры въ даль, недоступную для другихъ, прочихъ... Къ молодымъ людямъ вообще она относилась нѣсколько свысока, предпочитая всегда бесѣдовать съ людьми пожилыми, людьми съ вѣсомъ и положеніемъ или съ громкимъ именемъ. Черезъ годъ послѣ знакомства съ нею Альберта, разнесся слухъ, будто она невѣста графа

Руминигсгауза, только что вернувшася изъ экспедиціи въ Тибетъ и Туркестанъ. Альбертъ понялъ, что день, въ который Катерина выйдетъ замужъ за другого, будетъ послѣднимъ днемъ въ его жизни, потому что ясно почувствовалъ, въ какое безуміе можетъ повергнуть сильная страсть самаго разсудительнаго чело-вѣка, какимъ онъ былъ до своихъ тридцати лѣтъ. Онъ считалъ себя полнымъ ничтожествомъ по сравненію съ Катериной. Будучи недурно обеспеченнымъ матерьяльно, но не ожидая наслѣдства ни съ какой стороны, онъ могъ бы отлично прожить на положеніи холостяка. Кромѣ того ему предстояла вѣрная, хоть и не особенно блестящая карьера. Одѣвался онъ очень тщательно но безъ поползновенія на моду и шикъ, говорилъ гладко и дѣльно, но никогда не высказывалъ ничего значительнаго и оригинальнаго, всѣ относились къ нему недурно, но безъ особеннаго отличія отъ другихъ. Онъ

чувствовалъ поэтому, что такое загадочное существо, какимъ была Катерина, витавшая всегда въ заоблачныхъ сферахъ, существо, такъ сказать, иного міра, пошла на большой компромиссъ, на большую уступку, принявъ его любовь. И вотъ онъ готовъ былъ дорого заплатить за такое незаслуженное счастье, думая, что только этимъ путемъ онъ будетъ въ состояніи стать достойнымъ ея. Узнавъ, что графъ уѣхалъ въ Галицію, предварительно не сдѣлавъ предложенія Катеринѣ, онъ съ какою-то внезапной и совсѣмъ несвоейственной ему рѣшимостью, помчался къ ней.

О, какимъ безконечно далекимъ казалось ему теперь то время! Альберту живо представилась сейчасъ ихъ гостиная, большая съ низкимъ сводчатымъ потолкомъ, со старой, но хорошо сохранившейся мебелью, темнокрасное кресло въ уединенномъ углу у окошка, открытая рояль съ нотами на пюпитрѣ, круглый

столь краснаго дерева, на немъ съ перламутровой крышкой альбомъ и саксонская ваза для карточекъ. Ему припомнился даже большой проходной дворъ, расположенный какъ разъ напротивъ ихъ оконъ, дворъ, по которому въ ту минуту шла изъ церкви цѣлая масса народу. Было вербное воскресенье. И при звонѣ колоколовъ изъ сосѣдней комнаты вышла мать съ Катериной, ничуть, повидимому, не удивившейся его посѣщенію. Она мило и ласково выслушала его объясненіе и приняла послѣднее едва-ли съ большимъ волненіемъ, чѣмъ еслибъ это было приглашеніе на туръ вальса. Мать сидѣла въ углу дивана и улыбалась своей любезной и немножко дѣланной улыбкой, улыбкой людей, плохо слышащихъ. Она изрѣдка подносила къ уху свой маленькій, черный шелковый вѣверъ. И въ продолженіи всего разговора въ прохладной и тихой гостиной, Альберта не покидало странное чувство, будто онъ попалъ куда-то, гдѣ

долгое время бушевала буря и гдѣ теперь все дышетъ жаждой успокоенія. И когда потомъ онъ спускался съ лѣстницы, на душѣ у него не было радости, а одно лишь сознаніе, что теперь онъ вступилъ въ какую то смутную, загадочную и странную пору жизни. Въ этотъ яркій и праздничный день, когда онъ бродилъ подъ сводомъ синяго весенняго неба по улицамъ, садамъ и аллеямъ, встрѣчая веселыхъ и беззаботныхъ прохожихъ, ему казалось, что къ числу ихъ онъ не принадлежитъ уже больше, потому что имъ овладѣла другая, особенная и новая судьба...

И вотъ съ этого дня онъ сталъ каждый вечеръ приходитъ въ гостиную со сводчатымъ потолкомъ. Часто Катерина распѣвала чистымъ и пріятнымъ голосомъ, аккомпанируя себѣ на рояли, итальянскія народныя пѣсни. Но однако она пѣла почти безъ выраженія. Потомъ они оба часто стояли у окна и глядѣли на тихій дворъ,

гдѣ уже начинали зеленѣть деревья. Иногда въ хорошую погоду днемъ онъ заставлялъ ее въ Бельведерскомъ саду. Обыкновенно, усѣвшись гдѣ-нибудь въ углу на скамейкѣ, она слѣдила за играми дѣтей. При видѣ его, она вставала, и они шли гулять по дорожкамъ, освѣщеннымъ солнцемъ и усыпаннымъ мелкимъ щебнемъ. Онъ рассказывалъ ей о своей прежней жизни: дѣтствѣ, проведенномъ въ родительскомъ домѣ въ Грацѣ, годахъ студенчества въ Вѣнѣ, нѣкоторыхъ лѣтнихъ путешествіяхъ, и самъ дивился при этомъ—скудости впечатлѣній своей жизни, бѣдности, въ которой предстала предъ нимъ эта жизнь, когда онъ началъ ее вспоминать и анализировать. Быть можетъ, равнодушіе Катерины къ его рассказамъ вызывало въ немъ это чувство. Странныя дѣйствія и не менѣе странныя черты обнаруживала иногда въ своемъ поведеніи Катерина. Напримѣръ, какъ-то въ полдень Альбертъ встрѣтилъ невѣсту на пло-

щади св. Стефана, въ сопровожденіи
какого-то изящнаго господина, одѣ-
таго во все черное. Господина этого
Альбертъ никогда раньше не ви-
дѣлъ. Удивленный женихъ на ми-
нуту остановился, но Катерина отвѣ-
тивъ холодно на его поклонъ, равно-
душно прошла мимо него съ тѣмъ
господиномъ. Альбертъ нѣкоторое
время слѣдовалъ за ними и вскорѣ
увидѣлъ, какъ незнакомецъ сѣлъ въ
экипажъ, поджидавшій его на углу,
и уѣхалъ. Катерина отправилась до-
мой и когда вечеромъ Альбертъ
спросилъ у нея имя незнакомаго
господина, она удивленно взглянула
на него, назвала какую-то польскую
фамилію и потомъ, уйдя въ свою
комнату, такъ и не вышла весь ве-
черъ. Въ другой разъ ему пришлось
долго, долго ее прождать, и лишь
въ одинадцатомъ часу вечера она
явилась домой съ букетомъ поле-
выхъ цвѣтовъ и рассказала, что была
въ полѣ за городомъ и спала на лугу.
Потомъ вдругъ неожиданно выброси-

ла всѣ цвѣты въ окошко. Посѣтивъ однажды съ Альбертомъ картинную выставку, она долго стояла передъ пейзажемъ, изображавшимъ гористую мѣстность, поросшую мхомъ съ облаками низко надвинувшимися надъ ней. Потомъ, по возвращеніи домой, Катерина говорила о видѣнной картинѣ такъ, будто она въ раннемъ дѣтствѣ дѣйствительно бродила по этимъ горамъ вмѣстѣ съ покойнымъ братомъ. Альберту показалось сначала, что она шутить, но потомъ мало по малу онъ сталъ убѣждаться въ томъ, что картина, дѣйствительно, словно оживаетъ въ ея воспоминаніи. И съ этой минуты онъ сталъ замѣчать, какъ его удивленіе начало переходить въ болѣзненный страхъ. И чѣмъ неуловимѣе и загадочнѣе казался Альберту внутренній міръ Катерины, тѣмъ безнадежнѣе и глубже становилось его чувство къ ней. Иногда онъ вызывалъ ее на воспоминанія о дѣтствѣ и юности. Но всѣ ея раз-

сказы о дѣйствительныхъ событіяхъ и сообщенія о смутныхъ грезахъ, казалось, сливались въ одномъ какомъ-то неясномъ и фантастическомъ снѣ. Благодаря этому Альбертъ не могъ рѣшить, что собственно ярче запечатлѣлось въ ея душѣ: воспоминаніе объ органистѣ, свалившемся съ колокольни, молодой герцогъ фонъ-Модена, проѣхавшій верхомъ мимо нея въ Пратерѣ или Ванъ-Дейковскій юноша изъ Лихтенштейновской галлерей, видѣнный ею, когда она была еще дѣвушкой. Ее постоянно влекло къ какимъ-то смутнымъ, невѣдомымъ цѣлямъ, и Альбертъ не могъ не чувствовать, что въ жизни Катерины онъ не играетъ большей роли, чѣмъ какой-нибудь случайный знакомый, съ которымъ она прошла по залѣ передъ кадрилию. И такъ какъ у него лично не было силы вывести ее изъ этого заколдованнаго круга туманнаго существованія, онъ ясно ощущалъ, какъ имъ самимъ мало-по-малу начинаетъ овла-

дѣвать одурманивающее вліяніе ея страннаго существа и какъ самъ онъ въ своихъ мысляхъ, поступкахъ и дѣйствіяхъ начинаетъ, наперекоръ благоразумію и требованіямъ обыденной жизни, проявлять ея-же черты. Онъ началъ съ того, что сильно вышелъ изъ рамокъ своего бюджета, при совершеніи покупокъ для будущаго хозяйства. Потомъ накупилъ для невѣсты массу цѣнныхъ золотыхъ вещей и брильянтовъ и, наконецъ, въ самый день свадьбы счелъ нужнымъ поднести Катеринѣ домикъ въ предмѣстьи города, приглянувшійся ей на одной изъ прогулокъ. Купчую на домъ, сдѣланную на ея имя, онъ вручилъ ей въ тотъ же вечеръ. Эти дары она принимала отъ него съ такой же спокойной любезностью, съ какой приняла передъ этимъ предложеніе его руки. Вѣроятно, она считала его богаче, того, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Альбертъ собирался было вначалѣ посвятить ее въ свои де-

нежныя дѣла, но потомъ все сталъ откладывать разговоръ этотъ со дня на день и рѣшилъ подѣ конецъ, что его совсѣмъ не стоитъ заводить. Сама Катерина разсуждала о своемъ будущемъ не такъ, какъ разсуждаетъ человекъ, передъ которымъ лежитъ опредѣленно начертанный путь, а наоборотъ она стала относиться какъ-бы еще съ большей увѣренностью въ то, что ее не связываютъ никакія ни внѣшнія, ни внутреннія преграды... И вотъ Альбертъ понялъ, что ему предстоитъ очень невѣрное и недолгое счастье, и что все, что лежитъ за предѣлами личности Катерины, совершенно не существуетъ для него. Жизнь безъ нея казалась ему лишенной всякаго смысла, и онъ твердо рѣшилъ прекратить свое существованіе сейчасъ же, какъ только она его покинетъ. Это рѣшеніе, этотъ выходъ былъ его единственной поддержкой въ его дальнѣйшей мучительной и смутной жизни.

Въ то утро, когда Альбертъ при-

ѣхалъ за Катериной, чтобы взять ее и повезти къ вѣнцу, она была для него такой-же чужой, какъ и въ вечеръ, когда онъ съ ней только что познакомился. Она отдалась ему безъ страсти и безъ сопротивленія. Послѣ свадьбы они уѣхали въ горы, ѣздили по залитымъ солнцемъ долинамъ, далеко разстилавшимся въ даль и ширь, бродили по тихимъ берегамъ ясныхъ озеръ, по глухимъ и затеряннымъ дорожкамъ, шелестѣвшихъ листвою лѣсовъ... Изъ оконъ многихъ отелей смотрѣли они на сонныя улицы, словно заколдованныхъ городовъ, устремляли взоры на теченіе таинственныхъ рѣчекъ, на высоты молчаливыхъ горъ, наблюдали надъ ихъ вершинами воздушный бѣгъ облаковъ. Они говорили о повседневныхъ интересахъ, какъ и другія молодая пары, тоже гулявшія подъ руку, останавливались передъ зданіями и передъ окнами магазиновъ, толковали о покупкахъ, смѣялись и шутили, чокались

стаканами вина и къ ночи засыпали сномъ счастливыхъ. Но иногда Катерина вдругъ оставляла его одного въ освѣщенномъ залѣ ресторана, гдѣ такъ чувствовалась грусть одиночества, или на скамейкѣ парка, среди массы людей, радующихся благодатному дню, или въ обширной пинакотекѣ передъ потемнѣвшей картиной „Ратника“ или „Мадонны“, причемъ Альберту никогда не было извѣстно вернется-ли она къ нему опять и когда. И въ его сердцѣ вѣчно жило сознаніе, что ничто не измѣнилось съ момента ихъ первой встрѣчи, и что Катерина такъ-же, какъ и прежде, свободна, а онъ... онъ всецѣло въ ея власти теперь...

Вотъ почему ея исчезновеніе въ это раннее утро, по прошествіи двухъ недѣль со дня ихъ свадьбы, его потрясло, но не изумило. Такое-же дѣйствіе произвело на него и ея странное письмо. Ему казалось, что онъ только унизилъ-бы и жену, и

себя, еслибъ сталъ допытываться о причинѣ ея ухода. Для него было безразлично, что именно ее отняло у него: случайный-ли капризъ, мечта или живой человѣкъ. Онъ ничего объ этомъ не зналъ и знать не хотѣлъ; одинъ фактъ для него былъ важенъ: Катерина ушла и не принадлежитъ ему больше. Быть можетъ, это даже было лучше, что неотвратимое и неизбежное случилось раньше. Послѣ покупки дома денегъ у него больше не оставалось никакихъ, а жить вдвоемъ на его небольшое жалованье ему казалось невыносимымъ. Говорить-же съ Катериной о сокращеніи расходовъ и о будничныхъ заботахъ онъ тоже считалъ невозможнымъ. На одну минуту у него въ сердцѣ мелькнуло желаніе попрощаться съ ней и сказать что-нибудь передъ разлукой. Взоръ его упалъ на записку, лежавшую тутъ-же на постели, и въ мозгу внезапно пронеслась мысль написать ей на другомъ чистомъ

листокъ записки нѣсколько словъ, для разъясненія поступка, на который онъ рѣшится сейчасъ. Но потомъ ему ясно представилось, что все это въ глазахъ Катерины не будетъ имѣть ни малѣйшаго значенія и отъ намѣренія своего онъ сейчасъ-же отказался. Онъ открылъ сакъ-вояжъ, вынулъ оттуда небольшой револьверъ и, положивъ его въ карманъ, рѣшилъ отправиться сейчасъ-же куда-нибудь за городъ и тамъ наединѣ и съ достоинствомъ привести въ исполненіе свой планъ.

Синее лѣтнее небо высоко поднималось надъ городомъ, и удушливымъ зноемъ былъ пропитанъ воздухъ. Альбертъ вышелъ на улицу. Не прошелъ онъ и сотни шаговъ, какъ увидѣлъ передъ собой Катерину. Она медленно шла, держа раскрытымъ сѣрый шелковый зонтикъ, хорошо знакомый Альберту. Первымъ движеніемъ послѣдняго было свернуть въ другую улицу, но ка-

кая-то сила, гораздо болѣе властная, чѣмъ всѣ его разсужденія и намѣренія, заставила Альберта замедлить шаги и пойти за Катериной, чтобъ узнать правду, къ которой минуту назадъ онъ, казалось, былъ вполне равнодушенъ. Ему становилось страшно отъ мысли, что она вдругъ обернется и замѣтитъ его. Вотъ она вышла въ дворцовый паркъ и онъ послѣдовалъ за нею, осторожно держась въ сторонѣ. Потомъ она очутилась на паперти дворцовой церкви, двери которой были раскрыты, и вошла туда. Послѣ минутнаго колебанія Альбертъ сдѣлалъ то-же. Остановившись въ тѣни у входа, онъ увидѣлъ, какъ Катерина медленной походкой прошла черезъ ряды статуй героевъ и королей и остановилась передъ одною изъ нихъ. Альбертъ сошелъ съ своей прежней выжидательной позиціи и пробрался за гробницу императора Максимилиана, находившуюся какъ разъ на срединѣ церкви. Катерина непо-

движно стояла передъ статуей Теодориха. Опершись рукою на мечъ, бронзовый герой окидывалъ гордымъ окомъ окружающее, смотря на него, какъ-бы изъ глубины вѣковъ. Въ позѣ его чувствовалась величественная усталость, словно отъ сознанія безцѣльности своихъ подвиговъ и чувства скорби, покрывавшей всю его гордость. Катерина стояла передъ статуей и напряженно глядѣла въ лицо королю — герою. Альбертъ нѣкоторое время скрывался за гробницей, потомъ выступилъ впередъ. Катерина не могла не слышать его шаговъ, но стояла неподвижно на мѣстѣ, не шевелясь и не оборачиваясь. Въ церковь входили люди, все пріѣзжіе туристы, съ красными бедкерами въ рукахъ, разговаривали около нея и совсѣмъ надъ ея ухомъ, но она ихъ не слышала. Потомъ, будто немного стихло вокругъ. Катерина продолжала стоять какъ недвижимая статуя. Прошло еще минутъ пятнадцать, а она все еще

не двигалась съ мѣста. Альбертъ вышелъ изъ церкви. У дверей онъ еще разъ обернулся и увидѣлъ, какъ Катерина подошла къ статуѣ Теодориха и коснулась губами бронзовой ноги героя. Альбертъ поспѣшилъ выйти. Онъ улыбался. Улыбался мысли, которая пришла ему въ голову, наполнивъ все его существо, какимъ-то радостнымъ, трогательнымъ чувствомъ. Онъ понялъ, что можетъ сдѣлать еще что-нибудь для любимой женщины, прежде, чѣмъ исчезнуть навсегда. Онъ сейчасъ-же отправился въ художественный магазинъ и спросилъ: нельзя-ли заказать бронзовую статую Теодориха въ натуральную величину. Совершенно случайно оказалось, что статуя была у нихъ на лицо: мѣсяць назадъ она была заказана какимъ-то англійскимъ лордомъ, умершимъ вскорѣ. Наслѣдники отказались принять эту статую и, такимъ образомъ, Альбертъ могъ ее купить. Онъ справился о цѣнѣ и узналъ, что

что послѣдняя вполне соотвѣтствуетъ остатку его состоянія. Альбертъ далъ свой вѣнскій адресъ и указалъ точно управляющему магазина, гдѣ именно эта статуя должна быть поставлена въ саду ихъ новаго дома. Потомъ онъ оставилъ магазинъ, поспѣшно вышелъ за городъ и черезъ Вильтенское предмѣстье направился къ Игльсу. Тутъ въ рошѣ, ровно въ полдень, онъ застрѣлился.

Спустя нѣкоторое время, послѣ этого, недѣли черезъ двѣ или три, Катерина вернулась въ Вѣну, а Альберта, между тѣмъ, похоронили въ Грацѣ, въ семейномъ склепѣ.

Въ первый вечеръ по пріѣздѣ домой Катерина долго стояла въ саду передъ статуей, красиво поставленной въ тѣни старыхъ и развѣсистыхъ деревьевъ. Потомъ она вошла въ домъ и тутъ въ своей комнатѣ написала длинное письмо въ Верону до востребованія, на имя синьора Андреа Джеральдини. Такъ звали

господина, послѣдовавшаго за нею, когда она вышла изъ церкви, отойдя отъ статуи Теодориха Великаго. Было-ли это его дѣйствительное имя, Катерина такъ и не узнала, потому что отвѣта на письмо свое не получила.

**Прощальное письмо
Андрея Мамейера.**

Дольше жить я никакъ не могу, потому что пока я жить буду, люди будутъ глумиться надо мной, и никто не признаетъ правды. А правда въ томъ, что жена мнѣ никогда не измѣняла, клянусь всѣмъ, что мнѣ свято, закрѣпляя эту клятву смертью моей. Кромѣ того, я читалъ кое-что въ книгахъ, касавшихся этого сложнаго и загадочнаго сюжета, и, если нѣкоторые и сомнѣваются на этотъ счетъ, то вѣдь существуютъ и серьезные ученые, вполне убѣжденные въ противномъ. Я хочу даже привести здѣсь примѣры, которые каждому безпристрастному человѣку должны показаться безусловно неоспоримыми. Такъ, Малекбранхе рассказываетъ, что

благодаря тому, что одна женщина въ день чествованія Пія Святого слишкомъ напряженно смотрѣла на его образъ, ребенокъ, котораго она вскорѣ произвела на свѣтъ, до чрезвычайности походилъ на этого святого: лицо ребенка очень напоминало усталыя черты старика, руки были молитвенно скрещены на груди, глаза обращены къ небу, а на плечѣ замѣчалось родимое пятно, своимъ рисункомъ напоминавшее сдвинутую шапку святого. Если для кого-нибудь разсказъ этотъ, несмотря на свидѣтельскій авторитетъ послѣдователя знаменитаго философа Картезіуса, кажется не вполне правдоподобнымъ, быть можетъ, имя Мартина Лютера явится въ этомъ случаѣ болѣе убѣдительнымъ. И вотъ Лютеръ въ одной своей застольной проповѣди говоритъ, что въ Виртембергѣ онъ зналъ человѣка съ головой мертвеца, причемъ было достоверно извѣстно, что мать этого несчастнаго, ожидая его появленія на свѣтъ, до потрясенія перепугалась по-

койника. Но, что лично мнѣ кажется наиболѣе значительнымъ, и въ чемъ нѣтъ никакого повода сомнѣваться, такъ это повѣствованіе Эліодора въ „*Libri aethiopicum*“. По словамъ этого цѣннаго автора, королева Персина, послѣ десятилѣтняго супружества съ королемъ эфиопскимъ Гидаспесомъ, родила ему бѣлую дочку, которую она, предвидя гнѣвъ мужа, сейчасъ же вслѣдъ за ея появленіемъ на свѣтъ, велѣла подбросить. На ребенка она надѣла поясъ съ надписью, въ которой излагалась причина этого рокового происшествія. Въ саду королевскаго дворца, гдѣ Персина принимала объятія своего чернокожаго мужа, находились великолѣпныя мраморныя статуи греческихъ боговъ и богинь, — на нихъ королева обращала свои восхищенные взоры. Но могущество духа идетъ дальше, и не одни только суевѣрные и темные люди исповѣдуютъ такое воззрѣніе. Это подтверждается слѣдующимъ происшествіемъ, бывшимъ въ 1637 году во Франкфуртѣ.

Тамъ одна женщина произвела на свѣтъ мальчика послѣ четырехлѣтняго отсутствія мужа, приче́мъ клялась, что за нѣсколько мѣсяцевъ до этого съ поразительной отчетливостью и живостью видѣла во снѣ, будто принимаетъ пламенные объятія мужа. Врачи и повивальныя бабки Монпелье подтвердили подъ присягой, что это вполнѣ правдоподобная вещь, и Гаврская судебная палата признала за ребенкомъ всѣ права рожденнаго въ законѣ. Далѣе, я нахожу у Гамберга, въ его „Загадочныхъ явленіяхъ природы“, на страницѣ 74-ой, повѣствованіе о женщинѣ, произведшей на свѣтъ мальчика съ львиной головой, потому что на седьмомъ мѣсяцѣ своей беременности она присутствовала вмѣстѣ съ мужемъ и матерью на представленіи укрощенія львовъ. Потомъ еще я вычиталъ въ книгѣ Лимбока „Впечатлительность беременныхъ и явленія отъ нея происходящія“, Базель, годъ 1846-ой, страница 19-ая, что родился однажды ребенокъ съ

родимымъ пятномъ на щекѣ, въ видѣ
обжога, потому что мать, за нѣсколько
мѣсяцевъ передъ его рожденіемъ, ви-
дѣла, какъ пламя охватило домъ. Въ
книгѣ этой помѣщены еще и другія,
въ высшей степени удивительныя ве-
щи. И даже теперь, когда я пишу это,
книга лежитъ передо мной на столѣ.
Я только что пробѣжалъ ее вновь, и,
дѣйствительно, все написанное въ
ней,—есть достовѣрно и научно обо-
снованные факты, точно такъ же, какъ
достовѣрно то, что я лично пережилъ
или, скорѣе, моя милая женушка, ни-
когда не измѣнявшая мнѣ. Послѣд-
нее такъ же вѣрно, какъ и то, что
въ этотъ моментъ я пока еще суще-
ствую на свѣтѣ... Но простишь-ли мнѣ,
дорогая супруга, мое намѣреніе уйти
изъ міра сейчасъ? Ты должна мнѣ
простить... Вѣдь это изъ-за тебя я
умираю, умираю, потому что не могу
выносить насмѣшекъ людей надомной
и тобой!.. Но теперь они перестанутъ
глумиться, такъ какъ все отлично пой-
мутъ... Пусть же тотъ изъ нихъ, кто

найдетъ и меня, и письмо это, знаетъ, что жена моя, въ то время, какъ я пишу эти строки, спитъ въ сосѣдней комнатѣ безмятежнымъ сномъ человѣка, у котораго совѣсть чиста... А дитя ея, т. е. наше общее дитя, которому всего только двѣ лишъ недѣли, лежитъ въ колыбели у постели ея и спитъ такъ же сладко, какъ и мать... И вотъ, прежде, чѣмъ я навсегда разстанусь съ домомъ, я тихонько, не будя, поцѣлую въ лобъ и жену, и сына... Пишу обо всемъ этомъ такъ подробно, чтобъ не сочли меня за сумасшедшаго. О, нѣтъ, я далеко не сумасшедшій: все это слишкомъ хорошо обдуманно мной, и теперь я совершенно спокоенъ... Илишь только я кончу письмо, сейчасъ же выйду въ эту глухую, глубокую полночь и пойду по пустыннымъ улицамъ все дальше и дальше по дорогѣ, ведущей къ Дорнблаху, по дорогѣ, которой такъ часто мы хаживали съ женой въ первый годъ нашего супружества. Такъ дойду я до самага лѣса... Все это

глубоко продумано, и въ данный моментъ я сохраняю полную ясность разсудка. Итакъ, суть дѣла такова. Я, Андрей Тамейеръ, чиновникъ австрійской государственной сберегательной кассы, тридцати четырехъ лѣтъ отъ роду, живущій по Большой Герназельской улицѣ, въ домѣ № 64, въ бракѣ состою четвертый годъ. Жену свою зналъ за семь лѣтъ до женитьбы. Она отвергла два предложенія, потому только, что любила меня и ждала. Первый претендентъ на ея руку былъ комиссаръ, съ жалованьемъ въ 1800 гульденовъ, а второй, очень красивый кандидатъ-медикъ изъ Триеста, жившій въ домѣ ея родителей, въ качествѣ квартиранта. И замѣтите, — имъ обоимъ она отказала только ради меня, несмотря на то, что я не былъ ни богатъ, ни красивъ, и бракъ нашъ съ году на годъ откладывался. А вотъ теперь люди утверждаютъ, будто женщина эта обманывала меня, это — тато, которая такъ терпѣливо ждала!.. Люди глупы и жалки, они не могутъ

заглянуть въ глубину нашихъ душъ, — они злорадны и въ высшей степени пошлы. И скорѣе они онѣмѣютъ, чѣмъ скажутъ: „мы были неправы, мы видимъ и сознаемъ это, и нѣтъ надобности въ томъ, чтобъ ты лишалъ себя жизни“ ... А я вамъ скажу: „это нужно, нужно потому что, пока я жить буду, вы не перестанете глумиться всѣ, всѣ“ ... Благороденъ и добръ только докторъ Вальтеръ Браунеръ. Онъ, прежде, чѣмъ ввести меня въ комнату, сказалъ: „не пугайтесь и не волнуйтесь, милый Тамейеръ, и жена ваша пусть тоже не волнуется. Такія вещи случались частенько и раньше. Завтра я принесу вамъ сочиненіе Лимбока и другихъ авторовъ, кое-что писавшихъ по поводу впечатлительности беременныхъ. Книги эти теперь передо мной. Очень прошу моихъ близкихъ возвратить ихъ съ благодарностью доктору Браунеру, этому отличнѣйшему челоуѣку. Другихъ распоряженій у меня нѣтъ. Завѣщаніе написано еще раньше, и измѣнять его

у меня нѣтъ основаній, такъ какъ жена была мнѣ вѣрна, а ребенокъ, рожденный ею,—мой собственный. Что-же касается до своеобразной окраски его кожи, я постараюсь сейчасъ выяснитъ это очень простымъ путемъ. Только недоброжелательство и невѣжество могутъ оставаться глухи къ этому толкованію, и я продолжаю утверждать, что, еслибъ меня окружали люди, не такіе, каковы они есть на самомъ дѣлѣ, злобные и тупые, я могъ бы еще остаться жить, потому что они-бъ меня поняли... А теперь никто ничего знать не желаетъ и ограничивается однимъ глумленіемъ... Даже Густавъ Ренгельгоферъ, дядя моей жены, къ которому я всегда чувствовалъ большое уваженіе, очень оскорбительно подмигнулъ глазомъ, когда впервые увидѣлъ моего ребенка, а моя мать, родная моя мать, какъ-то странно пожала мнѣ руку, будто я вызываю къ себѣ сочувствіе... Когда же я на службу пришелъ, сослуживцы стали перешептываться, а швейцаръ,

дѣтямъ котораго я подарилъ къ Рождеству свои старые, поломанные часы, все-же могущіе служить прекрасной игрушкой, вчера давился отъ смѣха, проходя мимо меня. Даже наша кухарка состроила, какъ пьяная, веселое, сіяющее лицо, а москательщикъ съ угла долго глядѣль мнѣ въ слѣдъ и, остановясь у дверей, сказалъ какой-то старой дамѣ: „вотъ это тотъ самый“ ... Доказательствомъ до какой степени быстро разнеслась эта нелѣпая молва, служить то, что есть люди, которыхъ я совершенно не знаю, а они почему-то освѣдомлены во всемъ. Вчера я ѣхалъ домой въ дилижансѣ и услышалъ, какъ говорили обо мнѣ три старухи... Мнѣ было слышно съ платформы, какъ они произнесли мое имя. И вотъ спрашиваю теперь во всеуслышанье и громко, (употребляю нарочно это выраженіе, хоть я и не говорю, а только пишу) спрашиваю громко и ясно: „что дѣлать мнѣ? Что остается мнѣ дѣлать? Не могу же я каждому сказать: „Прочтите Гамбер-

га, его „Чудеса природы“ и потомъ Лимбока, этотъ его выдающійся трудъ „Впечатлительность беременныхъ явленія, отъ нея происходящія“. Не могу же я упасть передъ ними съ мольбой на колѣни и воскликнуть: „О, не будьте безчеловѣчны, поймите, что жена никогда мнѣ не измѣняла!.. Она просто заглядѣлась на этихъ страшныхъ заморскихъ чернокожихъ, когда въ августѣ была въ звѣринцѣ съ сестрой. Могу поклясться, что она на нихъ заглядѣлась, и дѣло было вотъ какъ. Въ тотъ день или еще дня за два до этого, я уѣхалъ въ деревню къ родителямъ, потому что отецъ мой серьезно заболѣлъ... Какъ серьезно, это видно изъ того, что недѣлю спустя, онъ скончался... Суть, впрочемъ, не въ этомъ... Анна была одна, а когда я вернулся, то засталъ ее въ постели... Отчего она слегла—неизвѣстно,—вѣроятно, отъ волненія и ожиданія. А я былъ въ отсутствіи всего лишь три дня... Вотъ, какъ она меня сильно любила!.. Я сейчасъ-же усѣлся на по-

стель къ ней и сталъ слушать разсказъ о томъ, какъ она провела эти три дня... Нарочно подчеркиваю эти столь нужныя подробности... Жена въ понедѣльникъ была все утро дома, а послѣ обѣда отправилась съ Фрици, — такъ зовемъ мы ея незамужнюю сестру, полное-же ея имя—Фридерика, — съ Фрици въ городъ за покупками... Фрици обручена съ очень милымъ молодымъ человѣкомъ, который служить теперь въ Германіи, въ Бременѣ, при одномъ большомъ торговомъ домѣ. Фрици тоже поѣдетъ туда, когда обвѣнчается съ нимъ... Это, впрочемъ, не относится къ дѣлу... Весь вторникъ жена провела дома, потому-что былъ дождь. Онъ шель въ этотъ день и въ деревнѣ у родителей, какъ сейчасъ это помню... Но вотъ наступила среда. Въ этотъ именно день жена съ Фрици и пошли вечеромъ въ звѣринецъ, гдѣ были негры... Прибавлю здѣсь, что потомъ въ сентябрѣ я самъ ихъ видѣлъ въ звѣринцѣ, куда мы отправились вмѣ-

стѣ съ Рудольфомъ Битнеромъ и его женой. Анна ни за что не захотѣла пойти вмѣстѣ съ нами, такой ужасъ они нагнали на нее въ ту среду... Она говорила мнѣ, что ни разу въ своей жизни не испытывала подобнаго страха, какъ тогда, когда очутилась съ ними лицомъ къ лицу, одна... Одна, потому что Фрици вдругъ куда-то исчезла... Не могу умолчать объ этомъ, хоть и не хочу ни въ чемъ упрекать ее въ моемъ прощальномъ письмѣ... Въ немъ однако мнѣ кажется умѣстнымъ напомнить Фрици, чтобъ она пощадила доброе имя жениха, котораго, какъ порядочнаго и честнаго человѣка, все это можетъ сдѣлать очень несчастнымъ. Но, къ сожалѣнію, фактъ остается фактомъ: вечеромъ Фрици исчезла съ тѣмъ господиномъ... Не буду называть его по имени: онъ не заслуживаетъ иного названья, какъ просто „тотъ“, хоть онъ человѣкъ и женатый... Фрици исчезла, и моя бѣдная Анна вдругъ очутилась одна... А вечеръ былъ сырой и туманный... Та-

кіе выпадають иногда въ концѣ лѣта... Я, лично, никогда не хожу въ Пратеръ безъ пальто, помня, что тамъ часто по лужайкамъ стелется паръ, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются свѣтъ и огни... Такой вечеръ былъ и въ ту среду, когда Фрици вдругъ внезапно пропала и оставила Анну одну... Нетрудно себѣ представить какой ужасъ должна была испытывать Анна въ такомъ состояніи, при видѣ этихъ чудовищъ, съ горящими глазами и длинными бородами, черными, какъ смоль. Цѣлыхъ два часа поджидала она Фрици, въ надеждѣ, что та вернется, но такъ и не дождалась... Уже стали запираеть ворота звѣринца. Все это мнѣ рассказывала Анна рано утромъ, обнимая меня и дрожа, когда я сидѣлъ у нея на постели. Глаза ея были мутны, и меня самого охватывалъ ужасъ, хоть я и не зналъ того, что узналъ потомъ того, что ей самой еще не было извѣстно... О, еслибъ я зналъ, что она уже носить подъ сердцемъ дитя, развѣ я допустилъ-бы, чтобъ

она, въ этотъ темный августовскій вечеръ отправилась въ Пратеръ и подверглась-бы столькимъ опасностямъ?.. Опасностямъ, потому-что для женщины въ такомъ состоянїи все представляетъ опасность...

Конечно, еслибъ Фрици не пропала, жена моя никогда-бы не впала въ состоянїе безумнаго ужаса, но вѣдь въ этомъ и было все несчастье... въ томъ, что она такъ боялась за Фрици... Теперь, впрочемъ, все это въ прошломъ, и я ни въ кого не хочу камнемъ бросать... Написаль-же я объ этомъ, потому только, что нахожу нужнымъ выяснить все... Быть можетъ, еслибъ я этого не сдѣлалъ, люди, эти вѣчно гнусные люди, сказали-бы: „онъ лишилъ себя жизни, такъ какъ ему измѣнила жена“ .. Нѣтъ, люди, еще разъ говорю вамъ, что жена моя была мнѣ вѣрна, и ребенокъ, рожденный ею, мой собственный... И люблю я обоихъ безмѣрно... А меня вы толкаете къ смерти, жалкіе и злобные, неспособные ни понять, ни по-

вѣрить... И чѣмъ больше я сталь-бы тратить словъ и усилій, чтобъ научно освѣтить это явленіе, тѣмъ вы стали бы больше, я знаю это навѣрное, надо мною ругаться и глумиться, если не при мнѣ, то у меня за спиной... Или просто сказали-бъ: „Тамейеръ помѣшанный“. Теперь вы понимаете, мои близкіе, что я умираю за правду и, главнымъ образомъ, за честь жены?.. Я знаю, что послѣ смерти моей вы перестанете надо мной издѣваться... Вы признаете тогда явленія, о которыхъ говоритъ Гамбергъ, Эліодоръ, Малекбранхе, Вельзенбургъ, Прейсъ, Лимбокъ и др. И ты, мать моя милая, ты вѣдь тоже не должна была жать мнѣ руку такъ, какъ будто я, дѣйствительно, заслуживаю сочувствія! Я знаю, что ты теперь попросишь прощенія у жены... Ну, кажется, я все ужъ сказалъ... Часъ близится... Доброй ночи, дорогіе! Пойду еще разъ въ сосѣдную комнату и еще разъ, на прощанье поцѣлую и сына, и жену... Потомъ я уйду... А вы живите и будьте счастливы...

К О Н Е Ц Ъ.